

ГДЕ-ТО НА СЕВЕРНОМ ДОНЦЕ

1

Лейтенант Лепешев идет позади взвода и думает сердитые путаные думы. Командир полка опять избрал его, Лепешева, взвод козлом отпущения. Много в полку подразделений, а нет же, майор Лоскутов приказал именно Лепешеву явиться в распоряжение командира дивизии. Видите ли, охрана штаба дивизии нуждается в усилении! Будто один пулеметный взвод может значительно усилить огневую мощь пехотного и артиллерийского полков, отступавших вместе со штабом. Лейтенант не видит в полученном приказе смысла и потому зол на вся и все. Родной полк переправляется через Северный Донец (после чего будет, ясное дело, хоть маломальская передышка), а ты изволь топтать в новое пекло. А ради чего? Лепешев исполнительный солдат. Приказали — он выполняет. Ведет взвод на новое место. А зачем? Ему это совершенно непонятно. Майор Лоскутов торопился к переправе, и разъяснять что-либо ему было недосуг. Приказал — и все!

Над степью полыхает жара. Бойцы растянулись цепочкой вдоль берега, они сутулятся под тяжестью оружия и патронов, на выгоревших гимнастерках темные пятна пота. Лепешев сам то и дело оттирает пот, ему тоже тяжело идти: за спиной полнехонький ящик гранат, на груди автомат. Лейтенант чертыхается, ругая знойную украинскую весну 1942 года, ее голубоватобелесое, без единого облачка небо, холмистую степь, превратившуюся в огромную жаровню. Лепешев утомлен, сердит и потому не способен любоваться веселым зеленым буйством природы. Жар льется сверху, зноем пышет раскаленная земля, и это единственное, что способен чувствовать обозленный лейтенант.

Веселиться Лепешеву в самом деле не с чего. Армия опять отступала. Проклятые отступления! Лепешев убежден — нет на свете ничего более тяжелого и унижительного. Ни с чем не сравним сгяд солдата, уходящего из родных сел под тоскливыми взглядами

женщин и детей, оставляемых на произвол жестокого, беспощадного врага.

Сколько воевал Лепешев — столько отступал. Отступал от Кишинева, был ранен. Выйдя из госпиталя, отступал от Киева — опять ранение, опять госпиталь. За год войны досталось ему с избытком. Всего пришлось пережить, а вот солдатской радости, радости победы испытать не довелось.

Две недели назад удача было улыбнулась Лепешеву. Дивизия была выдвинута во второй эшелон группировки, наступавшей на Харьков. Радовался Лепешев, радовались его пулеметчики, да преждевременно. Не пришлось освобождать Харьков — пришлось поворачивать на 180 градусов и прорываться через боевые порядки немецкой 1-й танковой армии, замкнувшей кольцо окружения вокруг наступающих советских войск.

Неделю шли ожесточенные бои. Все же вырвались из кольца. Всей дивизией. Родной лепешевский стрелковый полк переправляется сейчас через Северный Донец семью километрами южнее, а лейтенанту опять приходится вести свой пулеметный взвод в неизвестность.

Вон он, этот взвод, впереди, весь на виду. Двадцать восемь бойцов, два станковых и семь ручных пулеметов. Да еще один немецкий — МГ-34. Его тащит на плече рядовой Глинин. Именно тащит, не несет. Нести Глинину никак невозможно, ибо кроме пулемета навьючил он на себя еще ящик немецких патронов. Каким образом боец умудряется удерживать на себе этот деревянный гроб с брезентовыми лямками, Лепешеву понять трудно. Сам леший не поймет этого Глинина. Вроде бы и росточком не велик, сложения не богатырского, а силы и ожесточения — на десятирých дюжих красноармейцев.

Взвод у Лепешева особенный. Нет ни одного новичка. Народ обстрелянный, бывалый. Сформирован взвод весной из солдат, выписавшихся из госпиталей. Злой народ во взводе, остервенелый, а Глинину все же ровни нет. Молчун, глядит бирюком, а пошел на самое разрискованное задание — есть! — и пошел.

И ведь выполнит. Ни пуля, ни снаряд его не берут, разве вскользь заденут.

Лепешев уважает Глинина, даже побаивается. Есть что-то такое в пожилом красноармейце, что заставляет лейтенанта при каждом разговоре с ним подтягиваться, избегать обычных солдатских шуточек. Какие уж тут шуточки! Взглянешь на Глинина — и пропадает всякая охота к веселому слову. Все угрюмое и неприветливое, на что способна природа, — все сполна высечено на морщинистом худом лице бойца. Не видел бы Лепешев документов, никогда бы не поверил, что был до войны Глинин скромным бухгалтером городской бани в каком-то белорусском городке.

Да и как не будешь угрюмым? Хватил Глинин лиха куда больше самого Лепешева. Вырвался с группой мобилизованных из минского котла — попал в другой, под Оршей. Пробился к своим из-под Орши — попал в окружение под Смоленском. Семь кровавых отметин на теле у Глинина, щедро награжден боец фашистскими огневыми автографами, и быть жизнерадостным, понятное дело, ему не с чего.

И все равно не похож Глинин на других людей. За год войны многих бедолаг пришлось встретить Лепешеву, а вот такого обозленного, начисто разучившегося улыбаться встретил впервые. Говорить с Глининым о чем-нибудь, кроме службы, невозможно. «Понятно! Есть! Слушаюсь! Будет выполнено!» — вот весь его лексикон. Попробовал как-то лейтенант спросить бойца о семье, о довоенном житье-бытье, и ничего не получилось. Зыркнул Глинин колючими черными глазами, мрачно отвернулся, сплюнул с ожесточением. Вот и вся беседа. Хотел Лепешев за такое неуважение к командиру влить Глинину наряд вне очереди, да передумал. Уж слишком горестно сгорбился боец на дне окопа, слишком торопливо полез в карман за кисетом.

Необщителен Глинин. Что с ним сделаешь? Все во взводе давно к этому привыкли. Привык и Лепешев. Неделью назад погиб красноармеец Шилко, бывший вторым номером в глининском расчете. Похоронила немецкая бомба бойца вместе с пулеметом в мелком овражке. Несмотря на жесточайший обстрел, Глинин собственноручно выстругал из фанеры звездочку, при-

бил ее к палке и установил это нехитрое солдатское надгробие на краю овражка. На следующий день он раздобыл в бою немецкий МГ-34, а от второго номера отказался. Лепешев навязывать не стал.

Вот и таскается сейчас Глинин с трофейным пулеметом. «Не было бабе печали — завела поросля!» — шутят во взводе. Оно так и есть. После боя всем отдых, а Глинин рыскает по брошенным немецким позициям — ищет боеприпасы. Позавчера обнаружил в разбитом «оптеле» несколько ящиков с патронами и организовал такой маскарад, что весь полк до сих пор покатывается со смеху. Черт бы побрал этого бирюка. Додумался же! Поймал двух бродячих коров и навьючил на них свое богатство. Лепешев глазам не поверил, когда в расположение полка заявила эта кавалькада. Впереди Глинин, за ним на веревке две упирающиеся, громко орущие коровы. Все, кто был поблизости, буквально пали наземь. Прибежал майор Лоскутов, сначала рассердился, потом тоже за живот схватился. Еще бы, такой спектакль! Про свои солдатские горести забудешь. Бойцы по траве катаются, недоенные коровы орут, один Глинин невозмутим. Жаль, не оказалось на весь полк ни единого завалящего фотоаппарата...

Правда, за коров полковые интенданты Глинина похвалили. Сытно пообедали в тот день бойцы.

Лепешев глядит, как гнется сейчас до предела нагруженный Глинин, и чувствует неловкость.

— Хасанов! — окликает лейтенант идущего впереди с ручным пулеметом на плече бойца.

— Слушаю!

— Давай-ка сюда машинку. Иди помоги Глинину.

2

Остатки дивизии скопились у маленького хуторка на крутом берегу Северного Донца. Река делала у кручи петлю, разливалась широким плесом. Внизу, под высоким берегом, густо теснились зеленые вербы, а дальше, у уреза воды, стоял стеной камыш. По понтонному мосту, пересекавшему гладь реки, медленно двигались подводы с ранеными.

Пулеметчики, завидя внизу камышовую речную

благодать, столпились у съезда, запереглядывались, завздыхали. Лейтенант без слов понял их. И вправду, в самый бы раз искупаться истомленным, упревшим людям, отмахавшим с двойной выкладкой более семи километров по жаркой степи.

Но купаться не пришлось. Откуда-то прибежал захывавшийся подполковник-штабист, еще издали закричал:

- Пулеметный? От Лоскутова?
- Так точно!
- За мной!

— Вот позиция. Окапывайтесь, обстраивайтесь. Советов не даю. Размещайте огневые средства по своему усмотрению,— сказал подполковник Лепешеву, приведя взвод к длинной кирпичной конюшне, высившейся на окраине хуторка, у самой береговой кручи.— Имейте в виду: отступать некуда. Сзади мост и штаб дивизии.— Подполковник махнул рукой в сторону приземистой мазанки, приткнувшейся к задней стене конюшни. Там было малоллюдно, из дома и в дом лишь изредка пробегали командиры.

Лепешев огляделся. Позиция ему понравилась. Конюшня господствовала над хуторком и двумя дорогами, бегущими к нему из увалистой, изрубленной балками степи. Между конюшней и крайними домами около ста метров свободного пространства. Хуторок разделен двумя прямыми — метров двести длиной — улочками. И это пришлось по вкусу лейтенанту. Излучина реки надежно прикрывала с флангов. Плохо только, что там, на выезде из селения,— обширные сады. Немецкие автоматчики обязательно ими воспользуются.

Все это Лепешев оценил сразу, с привычным автоматизмом бывалого солдата, еще не делая для себя каких-либо выводов. Но и с первого взгляда было ясно: лучшей позиции не сыскать. Кирпичное здание конюшни будто специально построили здесь для прикрытия спуска к реке и моста, наведенного через нее. Хутор и опушка садов простреливались отлично.

— Глинин! Оставайтесь за старшего. Осмотрите помещение, оборудуйте позицию! — скомандовал Лепе-

шев, а сам решил пройти по хутору, чтобы оглядеться на новом месте получше.

В Глидине лейтенант не сомневался: пулеметы разместит как надо. У бирока удивительный нюх на это дело. Двух слов подряд сказать не сможет, а огневой рубеж выберет получше другого кадрового офицера. Самому Лепешеву не раз нос утирал. Впрочем, лейтенант не в обиде. Исполняет свое дело Глинин ненавязчиво, без упрямства. Разместит пулеметы и молча ждет, согласится с ним командир взвода или нет. Лепешев почти всегда соглашался. И не жалеет. Потери в его взводе самые малые.

Бойцы во взводе тоже привыкли, что командир часто оставляет за себя Глинина. Так случилось, что в первых боях выбыли из строя все сержанты, и Глинин как-то незаметно для всех, в том числе и для самого Лепешева, превратился в неофициального помкомвзвода.

Только обойдя хуторок, понял Лепешев всю серьезность положения. Напрасно ругал лейтенант штабников и майора Лоскутова. От стрелкового и артиллерийского полков практически ничего не осталось. Эти полки приняли на себя основную тяжесть контрударов противника, пытавшегося уничтожить или хотя бы задержать вырвавшуюся из окружения дивизию. Возле разрушенных мазанок, в огородах, у поваленных немецкими снарядами плетней лежали раненые.

Жителей Лепешев не встретил: они, видимо, давно ушли за реку.

Спустившись к садам, Лепешев увидел картину еще более безотрадную. Разбитые грузовики, несколько сгоревших бронемашин, дюжина исковерканных пушек, развороченная взрывами земля, брошенное русское и немецкое оружие, и всюду трупы. Жестокая была в садах схватка. Под деревьями перемешались выгоревшие гимнастерки, серо-зеленые фашистские мундиры, русские и немецкие каски... И над всем этим синее небо, жаркое солнце да сладковатый, дурной трупный запах... Видывал виды Лепешев, и все же стало ему нехорошо.

Обочиной дороги, откуда-то из степи, тянулась к

хуторку бесконечная вереница бойцов с носилками. Лепешев вышел на дорогу и долго глядел на бескровные лица раненых, на потных санитаров. Там, откуда несли носилки, изредка постреливали.

Наконец Лепешев вспомнил о своих срочных делах и заторопился наверх, к конюшне. По пути помог добраться до хуторка прихрамывающему артиллерийскому старшему лейтенанту. От него Лепешев узнал, что ночью у хуторка в рукопашном бою был разгромлен сильный немецкий заслон — моторизованный и саперный батальоны, — а также захвачена наведенная ими переправа.

— Слышишь? — Старший лейтенант мотнул головой в ту сторону, где постреливали. — Там, в балке, остатки заслона отсиживаются. А у нас в соседней балке армейский госпиталь. С собой из окружения вытащили. Там еще человек семьдесят тяжелораненых. Успеем ли вынести их оттуда?..

— Надо успеть, — хмуро сказал Лепешев.

— Надо-то надо... Все, кто здоров, с утра эвакуацией раненых занимаются, но сам видишь... А фрицы ждать не станут. Вот-вот подойдут подкрепления... Тогда...

Лепешев не хуже старшего лейтенанта знал, что будет «тогда». Он заспешил к своему взводу.

3

По тому, с каким ожесточением пулеметчики вкапывались в сухую горячую землю, Лепешев понял, что они все знают. Лейтенант с облегчением передохнул. Не надо ничего объяснять, не надо в приказном порядке заставлять уставших, разморенных жарой людей делать тяжелую солдатскую работу.

Подшел Глинин, козырнул, подал листок бумаги, на котором была вычерчена схема огневой позиции взвода. Лепешев посмотрел, одобрительно крикнул. Бирюк с поразительной для рядового бойца обстоятельностью предусмотрел все.

От конюшни к пулеметам, размещенным на обоих краях высокого мыса, крыльями расхотелись оборудованные стрелковыми ячейками траншеи. От задней двери конюшни ход сообщения вел вниз (прав доташ-

ный молчун! — пригодится выносить раненых под огнем, а может быть, и отступить).

Лепешев огляделся. Работа шла полным ходом, подгонять кого-либо нужды не было. Посмотрел на конюшню, с которой уже была содрана камышовая крыша. И это тоже понравилось лейтенанту. Ясное дело, немцы первым делом ударили бы зажигательными по сухой, как порох, кровле. Обороняйся тогда в огненной каменной ловушке!

Подшел подполковник-штабист, что недавно встретил взвод. Похвалил:

— Молодцом, лейтенант! — И, озабоченно вскинув к глазам бинокль, стал вглядываться в волнистую степь.

Лепешев поглядел на его напрягшуюся фигуру и обеспокоился еще больше. Где-то там, за голубовато-зелеными увалами, рос и ширился неясный гул. Лепешев вслушивался, стараясь разобраться, идут ли немецкие танки или это отголосок той далекой канонады, что вторые сутки в минуты тишины доносится с юга, от города Изюма.

— Прут, сволочи! — Подполковник сплюнул. — Сколько же у них подвижных войск?.. Бьем-бьем — и конца им не видно!

Лепешев подумал о том, что для возвращения потерянной переправы и сам подполковник рискнул бы снять с любого участка любые части, но вслух сказал:

— Ничего, когда-нибудь выдохнутся!

Он еще не знал, что впереди будет Сталинград, Курская битва, большие и малые котлы, в которых на его глазах испустит дух гадючая фашистская сила, но с убежденностью много раз убиваемого, однако оставшегося в живых обозленного солдата твердо верил: конец этой фашистской силе придет.

— А-а... — огорченно махнул рукой подполковник, опустив бинокль. — Земля-то, земля наша, матушка, не ждет... — И столько горечи было в голосе его, что Лепешев мотнул головой.

Он посмотрел на штабиста и впервые почувствовал огубелым своим сердцем незнакомую доселе жалость к человеку в военной форме, какую носил сам. Подполковник был худ и костляв. На его изможден-

ном лице лежали синие тени многодневной бессоницы.

— Ничего, все равно выдохнется! — мрачно повторил Лепешев.

— Н-да... — Подполковник помолчал, потом спохватился: — Вот что, лейтенант... Мы можем выделить вам только два расчета бронбойщиков. Больше у нас ничего нет. Сами видите...

— Вижу.

— И еще. Командир дивизии передает в ваше распоряжение два отделения автоматчиков из комендантского взвода. Они будут прикрывать вас с обоих флангов у реки. И это все. — Подполковник махнул рукой, от штаба подбежали два сержанта. — Вот командиры отделений.

Сержанты представились.

— Как с боеприпасами? — спросил подполковник.

— Маловато! — привычно вздохнул Лепешев.

— Вон там, в саду, разбитая полуторка. В кузове должно быть около двадцати ящиков патронов и гранат. Весь наш боезапас. Сколько вам?

— Все! — отрубил лейтенант.

Молчаливо стоявший рядом Глинин удовлетворенно засопел.

Лепешеву стало веселее. И не столько от приятного сообщения подполковника, сколько от того, что рядом находятся такие вот, как его боец, надежные люди, которых он мог понимать даже по сопению. Без всего — без хлеба, даже без воды — может обойтись солдат в тяжелую минуту, но только не без боеприпасов. Лепешеву самому уже много раз пришлось испытать горькое солдатское бессилие, когда пуст становился диск автомата, и потому ему была любя люта жадность Глинина к каждой лишней гранате, к каждой лишней обойме патронов.

— Все?! — По блеклым губам подполковника проскользнуло подобие улыбки. — Ну что ж... Быть по сему. Раскулачивай полуторку, лейтенант.

Глинин шевельнул руками. Лепешев прекрасно понял его.

— Выполняйте.

— Есть! — Глинин вскинул руку к пилотке, четко повернулся и отпечатал — положенные по уставу —

три таких шикарных строевых шага, что даже сам Лепешев удивился. За всю войну ему не пришлось видеть этакой парадной ловкости на боевой позиции.

— Н-да! — одобрительно цокнул подполковник и опять поднес бинокль к глазам. Он что-то увидел, так как даже привстал на цыпочки.

Лепешев поглядел в степь, и ему почудилось далекое облачко пыли.

— На! — Подполковник сунул ему бинокль. — Держись, лейтенант. Как начальник оперативного отдела дивизии я тебе больше ничем помочь не могу. — И широкими шагами побежал к штабной мазанке. Уже оттуда донеслась его хрипая команда: — Все, кто может ходить, все без исключения на эвакуацию раненых!

— Сколько бойцов в вашем отделении? — спросил Лепешев одного из сержантов.

— Пять.

— Вместе с вами?

— Вместе со мной.

— А в вашем?

— Шесть вместе со мной.

— Видите фланговые пулеметные точки? Так вот, чтобы внизу под ними был выкошен весь камыш. Вербы спилить.

Сержанты растерянно переглянулись.

— Нечем, товарищ лейтенант.

— Найти! Чтобы берег в зоне огня наших пулеметов был чист, как детское колено! Ясно?

4

Будто подстегнутые хриплой командой подполковника, время и события разом ускорили бег. Громяхая колесами, с левого берега примчалось несколько подвод, груженных носилками. За ними еле поспевали взмокшие красноармейцы. Размахивая длинными сильными руками, выбежал на дорогу командир дивизии полковник Савеленко и начал басисто выкрикивать приказание.

Пусто стало возле штабной мазанки. Командиры ушли туда, где дожидались решения своей участи раненые бойцы.

Лепешев тоже хотел послать половину взвода на эвакуацию раненых, но полковник запретил ему это.

— Делайте свое дело, лейтенант! — угрюмо пробормотал он, когда Лепешев обратился за разрешением.

Как показали дальнейшие события, такое решение было верным. Когда из-за серого горба степи вынырнули мотоциклы, а за ними выползла колонна автомашин и бронетранспортеров, Лепешев понял: если немцы с ходу, без разведки, бросят эту силу на хуторок, то развязка наступит быстро, ибо единственной организованной боевой силой у переправы был его, Лепешева, небольшой взвод. И все же это была хоть какая-то, но сила, а следовательно, и шанс на спасение.

Лепешев дал команду, чтобы бойцы продолжали окапываться, а сам вскинул бинокль. Сады мешали разглядеть, что творится в балке, где находились раненые, но зато отлично просматривалась степь. И лейтенант наконец обнаружил соседнюю балку, в которой отсиживались остатки разгромленного немецкого загона. На голубовато-зеленом ковре трав стали появляться человеческие фигурки. Они перебежали, падали, ползли; над степью заколотило, застучало — вспыхнула частая беспорядочная стрельба. Притаившиеся до поры до времени гитлеровцы, увидев идущую на помощь колонну, очевидно, загорелись желанием хотя бы на раненых выместить злобу за ночной разгром.

Лепешев глядел в бинокль и прикидывал в уме, через какое время подоспеют к садам мчащиеся на полном газу мотоциклисты. Если успеют до той поры, когда из балки вынесут всех раненых, тогда конец. Конец всем, кто находится там, за садами. И Лепешев ничем не сможет им помочь — расстояние до балки около полутора километров. Выдвигаться вперед уже поздно.

А облако пыли приближается. Уже ясно слышно тарактение мотоциклов. Их много, не менее пятидесяти. У Лепешева потеют сжимающие бинокль руки. Еще несколько минут — и эта гремущая орава ворвется в сады. И как часто бывает с Лепешевым в моменты опасности, когда надо принимать решение, им вдруг овладевает такое напряженное спокойствие, от которого что-то стынет в груди. В такие мгновения он

становится чужим самому себе и не способен ни жалеть, ни горевать, ни думать о чем-либо другом.

Его взгляд падает на толстые кирпичные стены, увенчанные сиротливо-голыми стропилами. Там, внутри конюшни, возле стен, высоченные лари для фуража. Решение приходит сразу. Лепешев бросается в здание, вскарабкивается на стену. Так и есть. Стена широкая — более полуметра, — старинной кирпичной кладки.

Лепешев громко отдает команды. Через несколько минут на стене установлены оба станковых пулемета. Умопившись на ларях, пулеметчики изготовились к стрельбе.

Лепешев снова смотрит в бинокль. Он понимает: расстояние велико, — но втайне надеется, что заградительный, хоть и не убойный огонь, может быть, задержит врагов. принудит их залечь под свистящими пулями. Надежда на это слабая, но все-таки надежда. Один пулемет будет вести огонь по колонне мотоциклистов, другой — по тем темным фигуркам, что подбираются к раненым. Сбить темп, заставить немцев замедлить продвижение — единственное, чем может помочь Лепешев людям, спасающим тех, кто лежит в балке.

Вот мотоциклы вырываются из-за ближайшего увала. Они ближе, ближе... Гулкий стук пулеметов запирает слух. Колонна мотоциклистов продолжает стремительно катиться к садам. Еще немного, и юркие БМВ скроются за деревьями, а там...

Но что это?.. Наметанный глаз Лепешева улавливает какой-то сбой в слаженном движении колонны. Он еще не успевает сообразить, что это значит, как головной мотоцикл резко сворачивает с дороги и мчит степью в сторону. За ним четко, как на параде, повторяют маневр задние машины. Одни сворачивают вправо, другие — влево. Мотоциклисты бросаются в траву и тут же открывают огонь. Все это делается ловко и быстро, как на учении. Лепешеву знакома эта обязательная немецкая выучка, он понимает, что перед ним опытные, вымуштрованные солдаты. Понимает лейтенант и другое. Немцы не видят цели. Они ведут бестолковый устрашающий огонь по саду, но это, конечно, временно. Скоро офицеры разберутся что к чему.

Занятый наблюдением за степью, Лепешев не ви-

дит, как из сада одна за другой появляются взмыленные лошади. На подводах вповалку, чуть ли не один на другом, лежат раненые. Сзади, держась обочины дороги, бегут с носилками красноармейцы и командиры. Прикрывая их, медленно, перебегая от дерева к дереву, отступает жидкая цепочка бойцов, из тех, что охраняли раненых в балке. Все это Лепешев видит тогда, когда его дергают за рукав и кричат в самое ухо:

— Воздух!!!

Лепешев задирает голову. Поблескивая плоскостями, над хуторком вытягивается в журавлиную цепочку семерка «Юнкерсов-88». Лепешеву знакомо это построение. Сейчас головная машина свалится вбок и с воем ринется вниз. Так оно и получается. Едва Лепешев успевает дать команду прекратить огонь и всем укрыться в траншеях, как головная машина действительно сваливается в пикé и несется к земле.

Земля содрогается от нескольких мощных ударов. Лежа на дне траншеи, Лепешев с привычным автоматизмом отмечает, что таких сильных взрывов он еще не слышал. Потом снова нарастающий свист — и опять несколько мощных ударов где-то в стороне. В промежутке между ними Лепешев слышит страдающее, предсмертное ржание лошади. Лейтенант выглядывает из траншеи.

Подводы рассыпались по хуторку, коновозчики спрятались кто-где, а обмотанные бинтами несчастные, беспомощные люди тоскливо смотрят в золотисто-синее небо, в который уж раз ждут смерти.

— Огонь по самолетам всеми средствами! — кричит Лепешев, и ноги сами собой выносят его из траншеи.

Теперь лейтенант понимает, почему не спешили в хуторок мотоциклисты. Им нужна переправа! Поняв это, Лепешев бежит к подводам, к бойцам с носилками, прижавшимся к обломкам глиностенных хат.

— К переправе! К переправе всем! — кричит он.

Но его плохо понимают. Тогда Лепешев поворачивает пожилого красноармейца-коновозчика и тянет к лошади. Красноармеец испуган, его побледневшее

лицо кривится, он со страхом смотрит на небо и упирается.

— К переправе, черт возьми! — орет Лепешев. — Жить хочешь — гони к переправе. Там не бомбят!

Красноармеец наконец понимает его, берет вожжи.

— Давай, папаша, давай! — кричат раненые. — Семь бед — один ответ!

— Э-эх! — Коновозчик сплевывает, еще раз глядит на небо и дергает вожжами. — Помирать — так с музыкой! Пош-шла-а-а!

Как бы понимая мысли людей, испуганно прыдшая ушами лошадь резво берет с места. Повозка быстро катится к взлобку, откуда съезд к переправе. Вслед за ней устремляются несколько человек с носилками, затем еще повозка, за ней другая...

«Юнкерсы» отбомбились быстро. Основной свой груз они сбросили на сады и в реку. Очевидно, летчиков ввели в заблуждение ракеты, которыми указывали свое расположение мотоциклисты.

Едва бомбардировщики легли на обратный курс, как затрещали автоматы, захлопали винтовочные выстрелы — немцы двинулись на хутор.

Лейтенант прибежал на позицию вовремя. Едва он успел дать нужные распоряжения, как между деревьями замелькали немецкие мундиры. Солдаты шли во весь рост, стреляя на ходу. Несколько мотоциклов вдруг вынеслись из сада и ворвались на хуторскую улицу. Есть отчаянные головы и в немецкой армии. Они поплатились, эти головы. Одновременно ударили кинжальным огнем несколько пулеметов, и нахрапистые мотоциклисты полегли в пыли, возле тех же поверженных плетней, у которых таились их противники.

Затем Лепешев приказал перенести огонь на сады. В десять пулеметных стволов хлестнула береговая круча по яблоням и грушам, полетела на горячую землю, на яркую садовую траву сочная белая щепка, в несколько минут будто выкосило ряды идущих во весь рост немецких солдат. Гитлеровцы залегли, потом не выдержали, начали отползать назад, под защиту деревьев.

Из разрушенного хуторка красноармейцы и командиры несли и тащили раненых. Некоторые возвраща-

лись и снова несли за спасительные кирпичные стены стонущих, окровавленных людей. Лепешеву казалось, что не будет конца этой мрачной чехарде; он все ждал, что кто-то придет, скажет, что все кончено, что все, кого можно спасти, спасены. Но никто не приходил, никто не говорил.

И все же конец пришел. Ползком и перебежками добрались до конюшни бойцы прикрытия. Последним появился подполковник-штабист. Правая рука у него висела плетью, по щеке стекал ручеек крови.

— Кончай, лейтенант. Все! — прохрипел он в ухо Лепешеву. — Живых там уже нет.

Лепешев дал команду прекратить огонь.

Наступила тишина. Лейтенант почувствовал усталость. Хотелось лечь, закрыть глаза и лежать долго-долго, ничего не слышать, ничего не говорить, ни о чем не беспокоиться. Но отдохнуть не пришлось. Обернувшись, он увидел, что конюшня полна народу. Тут были врачи, медсестры, красноармейцы, санитары, на носилках стонали раненые. Лепешев хотел выругаться, но поглядел на землисто-бледные, измученные лица женщин-медичек и сдержался. Заставил себя улыбнуться, гостеприимным жестом показал на проем задней двери (сама дверь исчезла неизвестно куда) и сказал:

— Что же вы?.. Давайте на переправу.

— Какая, к черту, переправа! — огрызнулся долговязый молоденький лейтенант с перевязанной головой. — Попали как кур во щи!

Лепешев заглянул в дверной проем и ошеломленно передвинул пилотку на голове. Моста не было. У прибрежного камыша плавали доски да покачивался уцелевший понтон с обломками настила.

— Двумя пятисотками. Прямым попаданием, — пояснил рыжий, веснушчатый здоровяк бронебойщик. — Это когда мы огонь по нему открыли. Неожиданно для него было. Не выдержал, вильнул... И готово. Две мимо, две прямехонько...

Лепешев даже вспотел от злости. Такого и нарочно не придумаешь. Рвется немец к переправе и сам же ее уничтожает.

— Теперь переправляйся как знаешь...— уныло пробурчал долговязый лейтенант.— Мы, ходячие, туда-сюда, а эти...— Он кивнул на носилки.

В конюшне становится тихо. Стонут раненые, да кто-то приглушенно рыдает за спинами тесно стоящих людей.

— Все равно. Здесь боевая позиция,— упрямо повторяет Лепешев.— Прошу всех спуститься к реке. Пока мы здесь — там вы в безопасности.

— Правильно.— Это говорит подполковник, которому стягивают плечо тугой повязкой.— Спустимся, отроем щели, будем строить плоты. Иного выхода нет.

Лепешев чувствует уважение к этому некрасивому хилому человеку, мужественно переносящему боль.

— Плоты... Много тут настройшь...— уныло бурчит долговязый.— Степь голимая.

— Прекратить паникерские разговоры! — властно приказывает подполковник.

Кто-то толкает Лепешева в бок. Оглянувшись, он видит Глинина. Тот молча указывает взглядом на стропила, на пол, на лари. Лейтенант сразу понимает.

— Вот что... Очищайте помещение. Материал мы вам найдем!

Появляется командир дивизии. Он хмур, молчалив, сожалеюще качает головой, увидев своего начальника оперативного отдела в столь плачевном состоянии. Подполковник докладывает ему о предложении Лепешева.

— Правильно.— Полковник не удивляется.— Я только-только об этом думал.— И тут же приказывает: — Всем спускаться вниз. Раненых снести туда же.

Люди в конюшне приходят в движение.

— Какие потери во взводе? — интересуется полковник.

— Еще не знаю,— отвечает Лепешев.— Сейчас буду выяснять. Но если есть стрелки и пулеметчики, прошу выделить. Тогда попытаемся до ночи продержаться. И просил бы собрать все наличные боеприпасы. Нам пригодятся.

— Молодцом, лейтенант. Это деловой разговор. Учтем. Сейчас мы внизу разберемся, что у нас есть.—

Полковник одобрительно хлопает Лепешева по плечу.— Будем живы-здоровы, представлю к награде.— И командует: — Выполнять приказ. Всем к реке!

Когда здание пустеет, Лепешев собирается пойти по точкам. Надо выяснить потери и состояние позиции после бомбежки. Но его внимание привлекает тихий плач, доносящийся откуда-то сбоку. Он заглядывает за один из ларей и видит белокурую девушку, сидящую на корточках у стены. Она уткнулась лицом в колени, покатые плечи ее вздрагивают. Лепешев растерянно оглядывается на Глинина. Тот разводит руками. Лепешев трогает девушку за плечо:

— Послушайте, мадам... Все кончено, все в порядке. Теперь вас не убьют. Пойдите умойтесь.

Девушка вскидывает голову, смотрит на лейтенанта тоскливыми голубыми глазами и всхлипывает. Лепешев решает проявить галантность. Он подхватывает девушку за локоть и поднимает с пола.

— Успокойтесь, мадам. Мы — верные ваши рыцари, мы не дадим вас в обиду. Утрите глазки. Все в ажуре. Слово лейтенанта Лепешева!

— П-послушайте, вы... Лемешев... Вы... вы... — Губы девушки дрожат.— У меня... у меня... Мы сегодня оставили там... — Она показывает рукой в сторону садов, и Лепешев понимает, где это «там». — Мы оставили восемь человек... Безнадежных. Некому было нести... Вы понимаете это?..

Лепешеву становится не по себе. Он лишь сейчас различает на петлицах девушки знаки различия военврача 3-го ранга, синяки и царапины на грязных ввалившихся щеках. Он не знает, что ответить. А юный военврач смотрит на него огромными голубыми глазами, в которых застыли скорбь и ужас. Смотрит, будто ждет, что лейтенант скажет.

Лепешев молчит. Ему мучительно стыдно за пошленькое «мадам» и нехорошо оттого, что сказать в самом деле нечего.

5

Штаб дивизии послал Лепешеву на усиление двадцать шесть человек. Были среди них и связисты, и артиллеристы, и стрелки, и даже три писаря. На

всех — пять автоматов, двадцать одна винтовка и ни одного пулемета.

Лепешев распределил стрелков по отделениям, а остальных подчинил непосредственно Глинину, которому поручил убрать все деревянное из здания конюшни.

Обход огневых точек порадовал лейтенанта. Дела обстояли куда лучше, нежели он предполагал. Ни один пулеметчик не пострадал, имелось лишь несколько контуженных, и все они оставались в строю. Траншеи тоже не пострадали, лишь в нескольких местах осыпались да были завалены землей, выброшенной взрывом пятисотки, которая начисто разнесла штабную мазанку. Этой же бомбой была разрушена торцовая стена конюшни. Другая бомба повредила противоположное крыло здания. И это было все.

Лепешев удивился. Он побаивался немецких летчиков. Что бы ни говорили о танках и артиллерии противника другие, а лейтенант считал самым опасным немецким оружием авиацию. Не один десяток бомбежек пришлось выдержать ему за год войны. Но вот таких бестолковых, как сегодняшняя, лейтенанту доселе видеть не приходилось.

Гул приближающейся вражеской колонны встревожил Лепешева. Приказав глубже вкапываться в землю, лейтенант прошел к разрушенному углу конюшни и стал наблюдать за противником.

Длинная колонна автомашин и бронетранспортеров безбоязненно подтягивалась к садам. Тягачи тащили 105-миллиметровые полевые гаубицы. Убедившись, что танков нет, Лепешев облегченно вздохнул. Но и без того сил у противника было предостаточно, чтобы очистить берег и пробиться к мосту, которого уже не существовало.

Лепешев не сомневался: немцы спешить не станут, оглядятся, а уж потом пойдут сразу на решительный штурм.

Так оно и случилось. Прошло не менее часа, когда из садов ударили минометы, а вслед за ними, после короткой пристрелки, гаубицы. Отсидеваясь в щели, открытой в конюшне (доски от пола давно унесены к реке), лейтенант гадал: пойдут немцы на сближение под прикрытием артогня или не пойдут? Потом не вы-

держал, выскочил из щели, подбежал к разрушенному бомбежкой углу здания. Выглянул. По обоим хуторским улочкам взбирались бронетранспортеры, за ними густо шла пехота.

Лейтенант выдернул из нагрудного кармана свисток, дал резкий сигнал. Пристроившись у пролома в стене недалеко от командира взвода, Глинин бил расчетливыми короткими очередями по идущим во весь рост пехотинцам. За пулеметчиков своих Лепешев не беспокоился, его тревожило другое: как справятся бронебойщики, которых он разместил по краям здания.

Один расчет был вблизи, и Лепешев невольно повернулся в его сторону, готовый в любую минуту ринуться туда, если бронебойщики вдруг струсят. От стен конюшни летели кирпичные обломки, но толстые, старинной кладки стены уверенно выдерживали удары снарядов и мин. Туда, в лоб зданию, бронетранспортеры, конечно, не пойдут, они будут заходить с флангов, и тут одно спасение — противотанковые ружья и гранаты.

Бронебойщики, видимо, из бывалых. Рыжий, конопатый верзила, что недавно рассказывал о бомбежке моста, спокойно докуривал сигарку в своем окопчике у амбразуры, и от того, как он это делал — не спеша, со вкусом, — у Лепешева полегчало на душе.

Бронетранспортеры приближались. Артиллерийский обстрел прекратился. Рыжий бронебойщик ткнул окурок в кирпич, что-то сказал с усмешкой своему второму номеру, пожилому усатому бойцу, и взялся за ружье. Хищно пригнувшись, он замер на несколько секунд, затем хлопнул выстрел. Головной бронетранспортер вздрогнул, будто уткнулся во что-то невидимое, потом круто развернулся бортом к конюшне, замер, задымил. Лепешев вскинул автомат, начал расстреливать выскакивающих из кузова солдат.

Что было после, Лепешеву трудно вспомнить. Бронебойщики подбили еще две камуфлированные бронированные машины, и они чадно горели среди хуторских развалин. Но все же три бронетранспортера прорвались к траншеям, и их пришлось останавливать гранатами. Лепешев сам видел, как один из писарей выскочил на бруствер, неумело замахнулся противо-

танковой гранатой и, перерезанный пулеметной очередью, рухнул под гусеницы. Взрывом выворотило днище транспортера, он застыл над траншеей, запылял хлынувший из пробитых баков бензин.

Потом была тяжелая схватка с автоматчиками, высыпающими из остановленных бронетранспортеров. Стрелки и пулеметчики расстреливали их почти в упор, забрасывали гранатами.

С протяжным «хо-о-ох!», со штыками наперевес ринулась немецкая пехота на выручку автоматчикам. И снова пулеметы били по серо-зеленым мундирам, стеной прущим по развалинам хутора. И снова вопли, крики, стоны, грохот...

А потом тишина. Она тяжелым грузом упала на плечи Лепешева, и он истомленно опустился на кирпичи, не веря еще, что гитлеровцы отошли, уползли в сады, волоча за собой кричащих раненых и накаленное оружие. Они не оставили даже заслона в развалинах домов, чему Лепешев удивился, зная умение немцев выбирать исходные рубежи для атаки. От крайних развалин до конюшни — рукой подать, каких-то сто метров. Очевидно, не рискнули фашистские офицеры оставить людей, боясь, что прицельный пулеметный огонь из-за кирпичных стен отсечет их от основных сил.

Лепешев сидел, отдыхал и рассеянно думал о том, что позиция у конюшни куда сильнее, чем он полагал, что его бойцы сбили с гитлеровцев спесь, что, видно, немецкие офицеры чувствуют в нем, Лепешеве, как руководителе обороны, опытного командира, если не стали рисковать, если поступили так — откатились в сады. Что ж, придется фашистам проходить это брошенное пространство заново и с немалыми жертвами. Об этом он, Лепешев, позаботится.

Рядом присел Глинин. Вопросающе глянул на командира.

— Да, надо обойти позицию, — понял его Лепешев. — Давайте, вы — направо, я — налево. Так быстрее.

Но идти не пришлось. Громыхнули за садами гаубицы; как огромные веретена, сверля воздух, пронес-

лись над стенами и ушли куда-то вдаль снаряды, захлопали мины. И Лепешев вдруг явственно почувствовал в этом целенаправленном грохоте чужую волю. Конечно, это он, тот старший немецкий командир, который руководит боем, недоволен решением своих офицеров. Он понимает, что значат для успеха атаки брошенные развалины. Он, этот старший немец, хочет исправить положение, навязать ему, Лепешеву, свою волю. И Лепешев так стискивает зубы, что, кажется, они вот-вот сломаются. Решение приходит само собой.

Лейтенант бежит по конюшне, приказывает бойцам открывать огонь издалека, едва немцы покажутся из-за деревьев. В верхнюю часть стены ударяет снаряд. Густая красная пыль обдаёт Лепешева, крупный осколок кирпича ударяет в плечо.

— Сюда! Сюда, товарищ лейтенант! — кричит рыжий бронейщик, выскакивает и тащит Лепешева в свой окопчик.

Отдышавшись, Лепешев благодарно хлопает бронейщика по плечу:

— Спасибо, брат!

— Чего там... Зря рискуете. И у нас обзор хороший.

Лепешев заглядывает в узкую амбразуру, умело пробитую в стене, соглашается:

— Дельно устроились.

Вспомнив о бинокле, подносит его к глазам. В саду за деревьями какое-то движение, но немцев пока не видно. И Лепешев старается угадать замысел своего неизвестного оппонента: прикажет ли он солдатам под прикрытием артиллерийского и минометного огня мелкими группами просочиться в развалины или предпримет атаку?

Немец избирает последнее. С ревом выползают на дорогу бронетранспортеры и, набирая скорость, устремляются к хуторку. За ними перебежками, часто залегая, продвигается пехота.

Лепешев даёт сигнал.

Рыжий бронейщик припадает к ружью. Выстрел. Машины идут. Еще выстрел. Идут. Бронейщик ругается, целится снова. Ружье сильно отдаёт ему в плечо. Головной транспортер еще идет, но Лепешев отлично видит, как тянется за ним темный дымок.

Перед стеной рвется снаряд. На Лепешева и бронебойщиков сыплется кирпичная щебенка, пыль забивает горло, а они весело кричат в три глотки:

— Готов! Го-тов!

Флагманскую машину подымает на дыбы сильный взрыв, и она исчезает в клубах пламени и дыма. Взорвались топливные баки.

А остальные бронетранспортеры упорно ползут вверх. Чаще рвутся у стены мины, чаще молотят ее снаряды. Густая пыль заволакивает здание, Лепешев кашляет, утирает слезящиеся глаза, но видит, что немецкая пехота уже залегла и никакие приказы не способны поднять ее с земли.

Стреляет рыжий бронебойщик, стреляют бронебойщики слева, бьют по пехоте пулеметы. Лепешев чувствует: нет, слишком мало у него бронебойных средств. Немецкие машины разворачиваются из кильватерной колонны во фронтальное построение и ползут к развалинам. Они останавливаются среди рухнувших стен, ведут прицельный пулеметный огонь по обороняющимся, а из их кузовов, извиваясь, сползают в обломки солдаты с засученными рукавами мундиров.

Вспыхивает еще один бронетранспортер. Остальные, огрызаясь пулеметным огнем, ползут назад, к садам. И Лепешева заполняет злорадство. Невидимый его противник все же здорово просчитался. Жертв будет гораздо больше, нежели он предполагал.

Увидев скатывающиеся назад бронетранспортеры, залегшая пехота дрогнула. Сначала гитлеровцы начинают отползать, потом вскакивает один, затем другой, и вот уже густая волна серо-зеленых мундиров несется вниз, под защиту деревьев. Но достигают их немногие. Перекрестный пулеметный огонь кучами кладет их на ту землю, от которой только что оторвал страх.

И все же кто-то из гитлеровцев доползает до крайних домов. Взлетает в небо ракета. Условный сигнал. Артиллерийско-минометный обстрел сразу прекращается. Лепешев невольно улыбается — вражеский командир лишился одного из основных своих козырей: минометного и артиллерийского огня. Могут накрыть своих. Шансы выравниваются.

Но долгожданная тишина не наступает. Продолжают греметь фланговые пулеметы, где-то далеко

стучат автоматы. Лепешев догадывается: враг принял двойной удар — часть сил бросил низом, по берегу реки. Беспокойство снова закрадывается в душу. Лейтенант знаком показывает Глинину, чтобы шел к правой точке, а сам бросается налево. Надо разобраться в обстановке. Пока пробирается по полуобвалившейся траншее к крайней пулеметной точке, огонь прекращается. Хлопает несколько гранатных взрывов справа, и становится тихо.

Добравшись до пулеметчиков, лейтенант глядит вниз. На очищенном от камыша участке берега темнеют трупы вражеских солдат. Немцы не прошли и тут.

— Ломились как черти! — весело жалуется пулеметчик Максимов, кряжистый сибирский мужик с густыми черными бровями на круглом бабьем лице. — Пока гранатами сверху не поддали, до тех пор кочевряжились. Все на своем настоять хотели. Теперь отвалили. Думаю, боле здесь не попрут. Не по зубам...

Лепешеву становится весело. Жив хитрющий домовитый Максимов, жив и невредим его второй номер, курский соловей Алеша Крыночкин. А что еще надо командиру... Да разве с таким народом пропадешь!

— Дайте закурить, — устало говорит Лепешев и садится на невесть откуда взявшийся в пулеметном окопе чурбачок.

— Пожалте, товарищ лейтенант. Трофейную сигарочку желаете? — Максимов засовывает руку в нишу, роется и подает толстую длинную сигару.

— Ох, Максимыч, Максимыч!.. — вздыхает Лепешев, но сигару берет, откусывает кончик, закуривает.

Максимов действительно и хитер и домовит. У него всегда все на месте, все сделано по-хозяйски. Слукавит, а нужную вещь достанет. Вот и позиция у него оборудована капитально, добротна. Вместо бруствера два толстенных бревна, уложенных друг на друга. Между ними вырублена амбразура. Ни дать ни взять — дзот, нет лишь перекрытия. Поди узнай, откуда этот хитрюга умыкал бревна, где достал топор... В окопчике ниши обложены кусками досок. Там — харч, там — курево, там — боезапас, там — вода. Все на месте у Максимова. Этот и воюет по-хозяйски, с расчетом. Наверняка двойную норму патронов у Глинина таянул, а посмот-

реть — вроде бы ничего лишнего нет, как у всех — два ящика. Лепешев блаженно курит, отдыхает.

— Ну как там у вас, товарищ лейтенант, тяжело было? — интересуется Максимов.

— Хватило.

— А у нас ничего. Жить можно. Ежели пуле башку не подставишь — жив-здоров будешь. На нашем пятачке и мина и снаряд — все мимо, в реку, значит... Немец как первый раз пошел...

Максимов продолжает говорить, а Лепешев думает о своем. Думает о том, что он очень удачливый командир, что ему здорово повезло с солдатами. Не будь у него во взводе таких бывалых, прошедших огни и воды бойцов — неизвестно, чем бы кончился нынешний бой. И вспоминается Лепешеву прошлое тяжелое лето.

Поставили его тогда командовать взводом киевских студентов-добровольцев. Парни подобрались что надо. Грамотные, смелые, сильные ребята. А вот в первом же бою растерялись. И бой был не из тяжелых, и обстрел так себе, из средних, и немец не сильно напирал, а растерялись. Лепешев командует, кричит, пистолетом грозит, а ребята не понимают. Хоть ревом реви! Одни залегли, другие вдруг штыки наперевес — и в атаку, а несколько человек дали стрелкача. Из тридцати шести бойцов девять остались лежать в неубранной густой пшенице.

Во втором бою было легче. И все равно не без конфуза. Каким-то чертом занесло к мельнице, где разместился взвод на привал, двух немецких автоматчиков. Ребята их увидели издали. Нет, чтобы залечь, подпустить и решить дело одним залпом; нашелся герой — ура! — и в атаку. За ним другие. Немцы пластом на землю и открыли огонь. Когда Лепешев вернулся от комбата, лишился его взвод еще пятерых бойцов. Трех из них похоронили тут же у мельницы. Но немцы все же не ушли.

Через месяц от всего взвода осталось шесть человек. Из окружения вынесли они раненого Лепешева на своих руках. И лейтенант знает, что эти шестеро, где бы сейчас ни были, не погибли просто так, ни за

понюшку табаку. Возмужали, стали настоящими солдатами. Если понадобится, Лепешев готов поручиться головой за своих студентов перед нынешними их командирами.

Неумный человек изобрел поговорку: за одного битого двух небитых дают. Лепешев в том убежден. Лично он одного обстрелянного бойца не променяет и на десять салажат. Таким, как Глинин, Максимов, Крыночкин или тот же рыжий бронебойщик, на войне цены нет. О таких вот поломают зубы немецкая сила. И Лепешев в самом деле чувствует себя удачливым. Мало взводных командиров в армии, у которых все бойцы катаны-перекатаны войной.

Лепешев думает, наслаждается сигарой, а Максимов с Крыночкиным спорят.

— Наши! — утверждает Максимов.

— Не похоже, — не соглашается Крыночкин, долговязый, узкоплечий парень, и щурит выпуклые карие глаза, вглядываясь в левый берег. — Наши в семи километрах отсюда переправились.

— А я тебе говорю — наши! — сердится первый номер. — Вот те крест — наши! Товарищ лейтенант, ведь это наши?

— Что? — Лепешев поднимает голову.

— Я говорю: это наши?

Лепешев лениво встает, подносит к глазам бинокль. На низменном левом берегу копошатся люди. Роют окопы, накрывают их маскировочными сетями, оттачивают к реке землю на плащ-палатках. В окулярах бинокля мелькают похожие одна на другую фигурки в грязных гимнастерках. Не поймешь. Но вот в поле зрения попадает всадник. Маленький, толстый, он восседает на гнедой лошади и энергично взмахивает короткими руками, объясняя что-то толпящимся вокруг него людям.

— Наши! — весело подтверждает Лепешев. Командира своего полка майора Лоскутова он способен узнать даже в кромешной тьме.

— Я ж тебе говорил! — победно шумит Максимов. — Эх ты, курская размазня! Поезжай к нам в Сибирь, поучись глядеть!

Крыночкин не обижается. Оба пулеметчика хохочут и радостно толкают друг друга локтями. Лепешеву тоже радостно. Теперь, когда сзади родной полк с приданным ему саперным батальоном, он знает, что все будет в порядке, что за спиной есть надежная опора. И пусть полк потерял весь автотранспорт. Зато есть две тысячи обстрелянных бойцов, достаточно пулеметов, несколько орудий, средства связи и даже такая роскошь, как маскировочные сети.

— Смотри-ка, целый флот! — громко гогочет Максимов, тыкая корявым пальцем куда-то вбок.

Лепешев поворачивается и видит среди реки понтон. На понтоне повозка с ранеными, вокруг повозки носилки. Санитары неумело орудуют шестами, гонят понтон к левому берегу. Навстречу ему движется несколько порожних плотов.

«Эх, только бы не было воздушного налета...» — озабоченно думает Лепешев.

Будто угадав его мысль, Максимов бодро говорит:

— «Юнкерсов» не будет, до ночи переправятся. А там и нам сам господь бог велел...

Лепешев смотрит на небо и только сейчас замечает, что солнце уже скатывается к горизонту, что воздух посвежел и на прогретую землю легли длинные тени. «Хорошо бы успели до темноты, а то — чем черт не шутит — вздумает немец предпринять ночную атаку, — тогда мы слепые. В рукопашной нам не отбиться...» — тревожно соображает он. Одолеваемый новыми заботами, Лепешев тушит сигару.

6

Рано радовался Лепешев. Помрачнел лейтенант после обхода позиции. Из двадцати шести человек пополнения шесть были убиты и девять ранены. Потери среди пулеметчиков особенно огорчили. Семь раненых и четверо убитых. Один расчет разнесло прямым попаданием снаряда. Останки бойцов даже не стали откапывать из развороченного окопа. Нечего было откапывать.

Обходя траншеи, Лепешев останавливается у сгоревшего бронетранспортера, стараясь разглядеть, что осталось от отважного писаря, но ничего не обнару-

живает. Разорвало тело бойца взрывами, а огонь довершил смертное дело.

Был человек, жил, чему-то радовался, чем-то огорчался, потом писал воинские бумаги и не гадал, не думал, что с доблестью уйдет из-под живого ясного неба, не оставив после себя ничего, кроме обгорелого железа и маленького клочка прокопченной, изрытой взрывами земли.

Другой писарь, лысоголовый полный мужчина, погиб, как погибают многие. Маленькое пулевое отверстие в виске — и нет человека. Но тело есть, и товарищи могут предать его земле с положенными воинскими почестями. А от этого ничего...

— Как его фамилия? — спрашивает Лепешев оставшегося в живых писаря.

— Петров. Петров Николай.

— А отчество?

— Хм... — Писарь озадаченно закатывает к розоватому небу маленькие зеленые глазки.

— Откуда он родом?

— Не знаю. Мы из разных отделов и мало говорили на эту тему. Кажется, он откуда-то с Волги...

— Эх вы, чернильные души! О товарище своем ничего не знаете! — сердится Лепешев.

Писарь, щуплый белобрысый человечек с острым носиком, виновато моргает куцыми белыми ресницами и жалко улыбается.

Лепешев жалеет о своей несдержанности. Напрасно сердился. Напрасно испугнул в человеке, выдержавшем первый бой и вышедшем из него живым, торжественную радость победителя.

— Ладно. Бывает, — примирительно говорит лейтенант. — Всех не упомнишь, но стараться помнить надо.

— Буду помнить, товарищ лейтенант! — обрадованно вытягивается писарек.

Потом Лепешев долго стоит над телами погибших, сложенными в ряд за задней стеной конюшни. Многих из них лейтенант видел раз в жизни, да и то мельком, когда принимал пополнение. Кто они, что они — Лепешев не знает. Не знает лейтенант и того, как и в какую минуту они погибли. Он знает одно: они были стойкими воинами — и это главное.

А вот двоих из лежащих Лепешев знает хорошо. Это его пулеметчики. С ними он отмерил немало километров военных дорог. Вот они, лежат рядом. Первый номер Скулацкий, и второй — Витя Сластунов. Лежат, иссеченные осколками вражьих мин.

Лепешев прикрывает глаза, и они встают перед ним живыми: неунывающий балагур Скулацкий и застенчивый Витя.

Скулацкий, бывший крановщик Ленинградского торгового порта, любил позубоскалить, посмеяться. Он всегда, в любой обстановке был таким, этот ленинградский нескладный парень. Длинный, сухопарый, с торчащими ежиком смолянными волосами, с оттопыренными большими ушами (врал: «Это от мичманки. Во время штормяги натянешь на уши...»). Много побасенок знал Скулацкий, но чаще всего любил рассказывать о своей красавице жене, которую он якобы отбил у какого-то флотского комиссара, много раз делавшего ей предложение.

Витя — туляк, единственный сын вдовца-железнодорожника. Он обожал стихи, сам пробовал писать, рассказывал об отце с такой восторженностью и обожанием, что можно было подумать, будто его родители не обыкновенный паровозный машинист, а бог весть кто.

Бывало, на привалах, устав балагурить, Скулацкий ложился к костру и приказывал своему второму номеру:

— Ну, я оттрепался. Теперь трави свои куплеты.

И Витя доставал тоненький блокнот, сшитый из разрезанной ученической тетради, и, стесняясь, читал вслух стихи о России, о коммунизме, о весне, о девушках.

Теперь они лежат у кирпичной стены и кажутся Лепешеву живыми. При мысли, что красавица Галочка уже никогда не обнимет своего веселого мужа, а вдовец-железнодорожник не увидит единственного сына, Лепешеву становится горько.

— Глинин! Раненых снести к реке. Убитых похоронить. Остальным восстанавливать траншеи, готовиться к бою! — хмуро приказывает он и уходит в здание.

На войне у командира, хоть и малого, всегда есть

дела. Заботы спасают Лепешева от бессмысленных в его положении терзаний.

Затаенная тишина висит над разрушенным хутором. Тишина эта относительная, так как за садами что-то лязгает, слышны гортанные выкрики, дымят походные кухни, рядом в траншеях звякают лопаты, переговариваются бойцы, заряжающие диски и пулеметные ленты, но после грома недавнего боя для Лепешева это тишина. Тишина глубокая и многозначительная. Лейтенант всматривается в расположение противника и старается угадать, что таит в себе эта затянущаяся передышка, что решит тот неизвестный Лепешеву немец, который конечно же должен что-то предпринять. Лепешев наблюдает долго, но ничего особенного не обнаруживает. Автоматчики в развалинах не подают признаков жизни. Немцы в садах тоже ведут себя смирно.

Веселый гомон вспыхивает вдруг в траншеях и колючне. Причина оживления — горячий обед. Четыре санитары принесли снизу два термоса — один с супом, другой с кашей. И Лепешев только сейчас чувствует, что смертельно голоден — с утра во рту не было ни крошки.

Глинин приносит котелок с дымящимся супом и молча ставит его возле командира взвода. Благодарно кивнув, Лепешев с жадностью набрасывается на еду. Черт возьми, несмотря ни на что, человек остается человеком. Пусть рядом затаилась смерть, пусть она глядит на него, молодого лейтенанта, Лепешеву сейчас наплевать на все. Он наслаждается едой и радуется, что там, внизу, есть люди, которые помнят о защитниках мыса — приготовили им такой славнецкий суп и кашу с мясом. Пусть это конина, пусть она жестковата и припахивает потом, но это еда, это обязательный элемент жизни. И, насыщаясь, Лепешев только сейчас сознает, что обошел его стороной еще один смертный вихрь, что он жив и, чем черт не шутит, может, будет жить еще долго-долго.

Невдалеке, прислонившись широкой спиной к стене, ест рыжий бронебойщик. Ест не спеша, со вкусом, громко, аппетитно чавкая. И Лепешеву невольно думается, что этот спокойный, неробкий человек, очевидно, и в мирной жизни был таким же равнове-

шенным, любил хорошо поесть и с чувством-толком покурить после обеда.

— Как ваша фамилия? — спрашивает Лепешев.

— Моя? Ильиных я. Федор Ананьевич Ильиных.

— И откуда родом?

— Из Серова. Слыхали о таком городе? Бывший Надеждинск. На Северном Урале. Сталеварил я там...

— Слышал, — улыбается Лепешев. — Я сам свердловчанин.

— Вот те на! — удивляется Ильиных. — Земляк, выходит... — И он радостно щурит на лейтенанта серые с зеленцой, кошачьи глаза, как бы наново оценивая своего временного командира.

Лепешеву приятно видеть в этом храбром солдате земляка.

— А Егорыч тоже нашенький, уральский, — оживленно сообщает Ильиных. — Ирбитский он.

— Красноармеец Степанов! — Усатый бронбойщик отставляет котелок, вытягивается по стойке «смирно» в своем окопчике и, помявшись, добавляет: — Прохор Егорович...

— Садитесь, садитесь, Прохор Егорыч, — машет ложкой Лепешев. — Ешьте. И кем вы до войны?

— Да как сказать... — Степанов конфузится. — По конной части я... Последнее время коновозчиком при родильном доме состоял.

— Что ж, это тоже надо, — серьезно говорит Лепешев, подавляя улыбку, и думает, что негромкие довоенные свои обязанности Степанов, должно быть, исполнял так же добротнo и аккуратно, как делает рискованное солдатское дело. И еще Лепешев доволен, что Ильиных не засмеялся, хотя в прищуренных глазах верзилы-сталевара прыгают веселые чертики.

— А я в Свердловске часто бывал... — вздыхает Ильиных. — Девушка там одна живет. На улице Малышева...

Но Лепешеву уже не до воспоминаний. Его слух улавливает неясный отдаленный гул, и лейтенант даже перестает жевать, напряженно вслушиваясь в этот новый звук, нарастающий в теплом вечернем воздухе.

Степанов тоже беспокойно вертит головой, заглядывает в амбразуру.

Лепешев с сожалением отставляет котелок и идет на свой наблюдательный пункт в углу. Линзы бинокля метр за метром ощупывают развалины, сады, отдельные деревья и трупы немецких солдат, валяющиеся между ними. Ничего нового. А за садами — отдыхающая от дневного зноя степь. Бугристая, голубовато-зеленая от обильно разросшейся полыни, изрезанная балками. Лепешеву кажется, что он слышит вечернюю перекличку перепелов и звонкое пение жаворонков над степной ширью. Но это не так. Не птичье пение — далекий грузный гул растет в безветренном воздухе.

Пыльное облачко, его наконец-таки видит лейтенант. Оно далеко, это серое пятно на неровной кромке горизонта. Однако Лепешев знает: обманчив степной простор. Не позже чем через полчаса к гитлеровцам подойдет подкрепление. Вот чего дожидается противостоящий Лепешеву немец.

Лейтенанту остается только ждать. И он терпеливо ждет приближения колонны (она движется той же дорогой, что и днем), ждет и думает об одном: лишь бы не танки. Но надежда его гаснет, когда из-за ближайшего увала сначала выползает одна темная коробка, за ней другая...

— Восемь. Четыре Т-IV и четыре Т-II. Три автомашины, одна автоцистерна, — докладывает от своего пролома Глинин, когда прибывшая колонна скрывается за садами.

Лепешев согласно кивает. Он сосчитал так же.

— Углублять окопы и траншеи, вязать гранаты связками! — угрюмо командует лейтенант.

Танки Т-II не страшны. Неважно вооруженные, устарелые тонкостенные коробки, они станут легкой добычей бронебойщиков. Т-IV — штука посерьезней. Лепешев отлично знает силу этих средних танков, маневренных, хорошо вооруженных немецких машин, имеющих достаточно мощную лобовую броню. Много неприятностей причинили они советской пехоте за минувший год. Лепешев понимает, что отбить предстоящую немецкую атаку будет трудно. «Эх, сюда бы хоть парочку противотанковых пушечек. Тогда б был другой разговор».

Лейтенант угрюм и насуплен. Противотанковых

мин нет, бронейных средств мало — практически это означает конец. Все козыри теперь у того неизвестного немца.

Лепешев выходит из конюшни, смотрит с обрыва вниз. Понтон и плоты, кажется, еле движутся по широко разлившейся вокруг мыса реке. А на берегу под вербами, в многочисленных щелях, еще много раненых. Возле них хлопочут медсестры и женщины-врачи. Лепешев вглядывается, стараясь угадать среди них ту, беленькую, но сверху они похожи друг на друга в своих зеленых пилотках. У походной кухни возится повар с забинтованной головой, и более ни одного здорового мужчины. Понятное дело, на подкрепление рассчитывать не приходится. Все способные ходить — на плотях и понтоне или копают окопы на левом берегу. А девушек, если даже прикажут, Лепешев на огневую позицию не допустит. Он достаточно насмотрелся на женские страдания за минувший проклятый год...

Прошлым летом, когда лейтенанта выносили из окружения, он собственными глазами видел истерзанные трупы трех изнасилованных, а потом зверски умерщвленных молоденьких медсестер. Это было такое зрелище, что Лепешева несколько дней бил нервный озноб при одном воспоминании об увиденном. И было потом встречено многое, не менее страшное, но это первое личное столкновение с фашистским садизмом оставило след в душе Лепешева навсегда.

Потому Лепешев знает, что женщин на его позиции не будет. Он никогда не допустит, чтобы по его вине случилось что-то, подобное виденному. Лейтенант Лепешев сам не уйдет с этой береговой кручи живым и не позволит уйти ни одному из своих бойцов, пока хлопочущие внизу девушки не окажутся на левом берегу.

— По-моему, вам машут... — Это говорит Ильиных, он стоит рядом и смотрит на реку.

Лепешев отвлекается от дум и тут только замечает, что одна из девушек сидит возле вербы и машет пилоткой. Облитые лучами заходящего солнца, волосы червонным золотом рассыпались по плечам. Лепешев узнает ее. Она. Та, беленькая. Лейтенант ответно машет рукой, и нет для него сейчас ни войны, ни немец-

ких танков, ни погибших товарищей. Он стоит на краю обрыва и охвачен единственным желанием: сбегать вниз, пожать мягкие пальцы девушки, заглянуть в огромные глаза, в которых было столько тоски несколько часов назад.

От этого минутного праздничного настроения Лепешев отрезвляет мощный гул, нарастающий в вечернем небе.

— Воздух! — кричит Ильиных и бежит в здание, в свой окопчик у амбразуры.

Лепешев задирает голову и видит восьмерку «хейнкелей», идущую строем «пеленг» вдоль реки откуда-то с юга. Лейтенант не торопится укрыться, ждет, когда самолеты начнут перестраиваться для бомбометания. Но происходит неожиданное. Не снижаясь, «хейнкели» вдруг меняют курс, поворачивают на запад.

«Что за чертовщина?» — изумляется Лепешев и бежит на свой наблюдательный пункт. Оттуда следит за самолетами в бинокль. Они удаляются, превращаются в светящиеся точки, а затем вдруг идут вниз. Где-то далеко, у ломаной линии горизонта, «хейнкели» начинают кружить над степью, и до Лепешева наконец доносятся слабые раскаты взрывов.

Лепешев удивленно смотрит на примостившегося рядом Глинина, тот не менее удивленно глядит на лейтенанта. Они молча ждут, что будет дальше.

Через четверть часа бомбардировщики возвращаются назад тем же четким строем «пеленг». Над излучиной реки меняют курс и уходят на юг, туда, откуда прилетели.

Лепешев напряженно прислушивается, и ему кажется, что, хотя «хейнкели» и ушли, оттуда, из степи, где они кружили, нет-нет да и доносятся отголоски взрывов. Лейтенант наблюдает за немцами, укрывшимися в садах, и хочет понять по их поведению, что же такое делается там, в залитом лучами заходящего солнца степном просторе.

Но противник не проявляет активности. И это самое загадочное. Вражеские автоматчики, залегшие в развалинах, очевидно, начинают нервничать. В небо

одна за другой взлетают две ракеты. Они бледны, эти звездочки немецкого страха, но Лепешев угадывает их смысл. Он тот же: «В чем дело?»

Проходит час томительного ожидания, проходит другой. Огромное степное солнце скрывается за горизонтом. А со стороны противника ни выстрела. «Неужели предпримут ночную атаку?» — сумрачно гадает Лепешев и идет посмотреть, что делается внизу.

Понтон и плоты все так же медленно передвигаются от берега к берегу. Но раненых в щелях уже нет, мало носилок под вербами. Медсестер под деревьями не видно. Около носилок лишь двое бойцов-санитаров да забинтованный повар.

С понтонна опять начинают махать лейтенанту. Она! Лепешев узнает ее. Снова учащенно мечется в груди сердце, и он не знает, отчего это происходит. Он ответно размахивает пилоткой, ему хочется крикнуть что-нибудь хорошее, но Лепешев — парень сурового уральского воспитания, и кричать ласковые слова вот так, у всех на виду, ему непривычно. Лейтенант просто машет пилоткой, и с души неожиданно для него самого спадает тяжесть, которая, оказывается, подспудно давила его с того момента, когда он увидел в конюшне девушек-медичек.

А с плотов и понтонна лейтенанту машет уже много рук. Даже раненые взмахивают забинтованными культишками. Прощаются. Благодарят. Лепешеву становится неловко отчего-то. Он оглядывается. Видит рядом бронбойщиков, Глинина и еще несколько бойцов. Они тоже машут плотам и улыбаются. Неловкость исчезает. С легким сердцем Лепешев последний раз взмахивает пилоткой и натягивает ее на голову. Надо возвращаться на наблюдательный пункт. Дело сделано. Еще рейс — и все раненые будут на левом берегу. Пусть фашисты повольняют еще немного, тогда без всяких осложнений переправится и Лепешев со своими бойцами.

Уходя с обрыва, лейтенант еще раз оглядывается через плечо. Девушка-военврач стоит на краю плота, она уже не машет, а пристально смотрит на береговую кручу, и руки ее мнут пилотку. Лепешев чувствует

каким-то шестым чувством, что смотрит она на него. Он смущенно косится на своих бойцов и, взволнованный, быстро забегает в здание.

У немцев по-прежнему спокойно. Разыгравшийся вечерний ветерок несет из садов звуки чужой речи, пиликанье губных гармошек, бряканье посуды. Видимо, только что поужинали. Но над всеми этими мирными звуками растет и ширится гул далекого боя. Ветерок приносит явно различимое уханье орудий.

Опять появляются «хейнкели». Как и ранее, они идут с юга, таким же строем «пеленг», в точности повторяют недавний маневр: меняют курс над излучиной реки (Лепешев догадывается: это их визуальный ориентир) и идут на запад, в сторону далекого боя. Бомбят они уже не у огненной кромки горизонта, а где-то ближе, в глубине укутывающейся в синюю вечернюю дымку степи.

Лепешева охватывает возбуждение. Он щурится в бинокль, но, кроме поблескивающих в лучах зашедшего солнца плоскостей самолетов, ничего не видит. Даже шум взревших за деревьями танковых и автомобильных моторов не гасит этого возбуждения. Лепешев приказывает бойцам занять позицию, приготовиться к отражению атаки, а сам продолжает наблюдать.

У немцев шум, какие-то перемещения. Что-то страшное — лейтенант чувствует это обостренной солдатской интуицией. И он не удивляется, когда из-за садов, по левой дороге, мчатся в степь сначала мотоциклы, за ними автомашины с орудиями, последними уползают танки и бронетранспортеры. Видимо, немалая русская сила движется по степи, если противник не дождался темноты, снял из-под хуторка основные силы, бросил на произвол судьбы паникующих в развалинах автоматчиков.

Те действительно паникуют. Ракеты то и дело взлетают над хуторком, и Максимов короткими очередями бьет с фланга по обломкам стен, из-за которых они взлетают.

В ответ из-за деревьев начинают бить минометы. Лепешев подсчитывает число и порядок взрывов, ста-

раясь определить, сколько минометов противник оставил в садах.

— Сколько? Шесть? — на всякий случай спрашивает он у Глинина.

— Шесть легких, — подтверждает тот.

— Заградительный. Хотят выручить автоматчиков, — констатирует лейтенант.

Действительно, вскоре то там, то здесь начинают мелькать меж обломков темные фигуры отползающих вниз вражеских солдат. Пулеметчики и стрелки открывают по ним огонь. Глинин не стреляет. Экономит патроны. Он поглядывает в сторону противника и что-то чертит в добротной офицерской тетради с красными корочками и вытисненной на обложке золоченой звездой. Лепешеву вспоминается, что такие тетради выдавались до войны командному составу армии.

Смотреть, как его бойцы расстреливают спасающихся автоматчиков, лейтенанту не хочется. Он знает наперед: уж коли немец пополз назад — будьте уверены! — его даже страх перед смертью не остановит. Поэтому Лепешев убежден: метко или не метко будут стрелять бойцы — к ночи в развалинах не будет ни одного автоматчика. Немецкий солдат не любит, когда его подводят командиры. Когда немец потерял доверие к командованию — солдат он неважнецкий, из него можно веревки вить. Лепешев в том неколебимо убежден.

— Вот! — Глинин протягивает лейтенанту листок.

Лепешев смотрит. На листке красиво, аккуратно вычерчена самая заправдашняя стрелковая карточка. План хутора с нанесенными на нем своими и немецкими огневыми точками. «Ну и молчун! опередил! — восхищается в душе Лепешев, он сам собрался составить такую же. — Хоть сегодня в комбаты производи. И когда только успел все засечь?!»

— Значит, у них шесть легких минометов, восемь ручных пулеметов... — размышляет вслух лейтенант. — Это что... Что-то около мотострелковой роты в прикрытии оставлено?

— Пожалуй, — соглашается Глинин. — В мотострелковой по штату три легких. Значит, три минометика у мотоциклистов забрали.

Внутри конюшни уже сумерки. И в этих сумерках

морщинистое худое лицо Глинина кажется лейтенанту грубым, вытесанным из камня. Оно бесстрастно, мертво, это темное, загорелое лицо старого солдата; живыми кажутся только глаза — колючие, цепкие, черные.

— Где вы, Глинин, обучились этой премудрости? — неосторожно спрашивает Лепешев.

— Кто хочет, на войне всему научится! — хмуро бурчит помкомвзвода и уходит к своему пулемету. Там он долго возится над чем-то, угрюмо сопит, часто затягиваясь огромной самокруткой.

Лепешев жалеет, что опять вспугнул носящего в душе что-то тяжелое нелюдимого солдата.

7

Когда на темное небо выползает большая желтая луна, в конюшне неожиданно появляется полковник Савеленко. Его сопровождают несколько командиров, среди них и подполковник-штабист, тот, что днем подарил Лепешеву бинокль. Гимнастерка подполковника натянута поверх раненой руки, и в темноте он кажется лейтенанту пополневшим, раздавшимся в плечах.

Лепешев докладывает командиру дивизии обстановку.

— Ага! Ясно. Что я вам говорил! — весело басит полковник, разглядывая при свете карманного фонаря карточку Глинина. — Они потеряли к нам всякий интерес. У немцев других дел по горло. Переправа — вот что им было важно. Как вы думаете, почему они разбомбили переправу?

— Я думаю, случайно, — высказывается подполковник. — Судя по всему, экипажи бомбардировщиков имели другое задание. Их срочно перенацелили на нас в расчете одним ударом вернуть мост. Бомбили они неуверенно, не зная точной цели, — это все видели. И притом пятисотки. Когда это немцы применяли против пехоты, не имеющей даже простейших полевых укреплений, бомбы такой мощности? С чего бы?

— Согласен, — басит полковник. — Разбомбили случайно. Но как бы то ни было — переправы нет, и теперь у противника нет здесь никаких оперативных

целей. Поэтому они отозвали отсюда танки, поэтому сняли мотопехоту с тяжелым оружием. Они прекрасно понимают, что у нас нет сил хотя бы для мало-мальского наступления. Да и плацдарм, извините,— сморкнуть некуда.

— Резонно,— говорит один из командиров, майор в черном танкистском комбинезоне.

— Мне кажется, немцы сняли отсюда танки, артиллерию и мотопехоту для удара по нашим войскам вот там! — Лепешев указывает в ночь, туда, где вспыхивают бледные зарницы взрывов.— По нашим наблюдениям, бой быстро приближается к реке. Очевидно, те средства, которые противник снял отсюда,— последние. Ибо зачем было снимать их засветло, на наших глазах? Откуда немцам знать, что у нас нет связи с прорывающимися?

Савеленко долго смотрит в степь, о чем-то думает, соглашается:

— Да. Там бой. Какая-то часть пробивается к Донцу. Но мы, к сожалению, ничем помочь им не можем. Единственная наша сила — полк Лоскутова — растянута на девять километров по фронту, вдоль реки. Нам приказано не допустить переправы противника на левый берег в своем секторе. Это главное. А у нас ни огневых средств, ни боеприпасов. К тому же соседи справа и слева еще слабее нас. Хотя окружения и избежали, но потрепали их здорово.

— Это так,— подтверждает тот же майор.— Боеприпасы подвезут только послезавтра вечером. Не раньше. Так сказали в отделе тыла фронта.

Все долго молчат и смотрят в ту сторону, откуда доносятся отголоски ночного боя.

— М-да... Помочь бы им, да нечем... — вздыхает Савеленко и поворачивается к Лепешеву.— Сидеть здесь теперь смысла нет. Сейчас будут переправлены последние раненые. Мы тоже переправимся. Теперь уже окончательно. Потом плоты придут за вами. Майор объяснит подробности.

Высокий тучный майор, лицо которого в темноте Лепешеву рассмотреть трудно, торопливо говорит:

— Объяснять, собственно, нечего. Ждите красный сигнал. И светите нам, когда отплывете, таким же

фонарем.— Он сует в руку Лепешева что-то небольшое.— Это чтобы береговые посты не спутали вас с немцами.

— Снизу сигналият. Погрузили,— сообщает кто-то из-за конюшни.

— Ну, все! — шумно вздыхает полковник.— Пора. Будем ждать вас, лейтенант. Время не теряйте. Светает рано, так что...

— Нельзя нам уходить отсюда! — раздается в темноте негромкий хриплый голос.— Нельзя! Разве вы не видите, что наши идут сюда? Из окружения идут...

Сказанное столь неожиданно, что совещающиеся командиры растерянно молчат. Зыбкая тишина висит в темноте. Первым приходит в себя полковник Савеленко.

— Кто это рассуждает? — громко спрашивает он.

— Красноармеец Глинин! — В темноте щелкают каблуки сапог.

— Ах вот кто...— В голосе полковника звучат веселое удивление, ирония. Он включает фонарик, освещает лучиком света Глинина, вытянувшегося возле своего пулемета.— Может быть, вы, красноармеец Глинин, разъясните нам ваш стратегический план поподробней?

— Могу.— Ни один мускул не дрогнул на иссеченном ночными тенями грубом лице бойца. Он подходит.— Маневр прост,— хрипло продолжает Глинин.— Переправить нам на усиление роту или хотя бы взвод автоматчиков и ударить по заслону, который немцы оставили здесь. Их мало, и они не ожидают атаки. У противника, очевидно, нет под рукой резервов, чтобы остановить прорвавшихся из окружения. Потому они и сняли отсюда все, что могли снять. Если мы сшибем заслон, это будет значить, что тылы немецких частей, ведущих встречный бой с нашими окруженцами, окажутся незащищенными.

— И что тогда? — Полковник обретает себя, в его голосе звучит сарказм.

— Тогда противник должен будет хоть какую-то часть сил бросить против нас. Значит, противодейст-

вие нашим прорвавшимся подразделениям будет ослаблено.

— А может, вы предложите развить успех — начать стратегическое наступление на всем Южном фронте?

Лучик света прыгает по угрюмому, окаменелому лицу Глинина, но он не желает понимать командира дивизии.

— Да. Если противник не сочтет нужным прикрыть тыл, то можно и потревожить его. И я хотел бы вторично обратить внимание на то обстоятельство, что перестрелка довольно быстро приближается к реке. Следовательно, бой идет маневренный. А это значит, что немцы имеют дело с механизированной группой. Это еще один довод в пользу того, что нам стоит остаться здесь.

— Ну, хватит, красноармеец... как вас... Вы слишком много на себя берете. И, кроме того, кто вам разрешил вмешиваться в разговор командиров? — Полковник круто поворачивается к Лепешеву: — Это ваш боец?

— Так точно.

— За нарушение устава наказать. Своими правами.

— Слушаюсь.

— Приказание мое остается в силе. До рассвета быть на левом берегу.

— Слушаюсь.

Командиры молча идут к выходу. Всем неловко, нехорошо. Савеленко, очевидно, сам чувствует, что поступил с бойцом неладно, что был неубедителен. Выходя из здания, он останавливается в дверном проеме. На звездном, подсвеченном луной небе четко вырисовывается его богатырский силуэт.

— Счастливого завершения операции, товарищи, — тихо говорит он в темноту, — счастливой переправы. Вернетесь, дадим отдохнуть. Ну и вы... стратег... возвращайтесь... На всех заготовим наградные листы и на вас тоже. Солдат вы, видимо, все же хороший...

Глинин не отвечает. В темноте слышно лишь, как он переступает с ноги на ногу. Потом зловещую тишину вдруг нарушают его тяжелый вздох и громкие слова:

— Нельзя нам уходить отсюда!

Все вздрагивают, будто прогремел в черноте колючих неожиданной взрыв. Даже у Лепешева, хорошо знакомого неласковый нрав помощника, растерянно опускаются руки.

Силуэт комдива перекашивается в дверном проеме.

— Ч-что?.. — хрипит он. — Да вы... вы... Где начальник особого отдела? — резко поворачивается он к сопровождающим командирам.

— Он остался на том берегу.

— Т-так-с... Так. Лейтенант! Разоружить наглеца, доставить под охраной к реке!

Минутная растерянность проходит. Знакомое холодное спокойствие залива Лепешева, он ищет слова, он не знает, что надо сказать полковнику, но знает другое: Глинина надо выручать.

— Вы слышите, лейтенант?

Лепешев решает:

— Товарищ полковник! Убедительно прошу отменить приказание. Боец Глинин контужен. Он прекрасно проявил себя в боях... Он мой помкомвзвода... И... и притом, кроме него, никто не умеет обращаться с трофейным пулеметом. Это его личный трофей! — У Лепешева пересыхает во рту, пока он какие-то мгновения ждет ответ комдива.

— Контужен?.. — Савеленко, очевидно, понимает, что лейтенант лжет, но понимает и другое: в этой лжи и просьбе единственный выход из того скандального положения, в котором он оказался. — Хм... Что ж... завтра проверим. Уважая вас, как одного из лучших офицеров дивизии... Удовлетворяю просьбу. Но за бойца этого отвечаете головой. Завтра вместе с ним, живым или мертвым, явиться ко мне!

— Есть явиться к вам!

Лепешев провожает командиров до реки. Впервые оказавшись внизу, он с любопытством оглядывается. В мерклом лунном свете видно, что весь берег изрыт щелями. Всюду клочья бинтов, ваты. В береговой круче чернеют ниши. Возле них тоже груды бинтов, от которых в сырой приречный воздух примешивается запах гноя и крови. И Лепешев только сейчас реаль-

но сознает размеры бедствия, обрушившегося на дивизию. Ему становится немного жаль Савеленко, хотя в душе он считает, что комдив перестраховывается, не желает рисковать.

— Проклятое отступление! — ворчит Савеленко. — Дожили!.. Каждый рядовой поучает, как поступать командиру дивизии. Не смешно ли?

Ему никто не отвечает. Командиры идут молча, сосредоточенно глядя под ноги.

— И невдомек этому стратегу, что окруженцы могут выйти к другому участку реки. — В голосе полковника Лепешеву слышится желание оправдаться, желание услышать от сопровождающих командиров одобрение принятого решения.

— Вы правы, — говорит майор в комбинезоне, который поддакивал комдиву и в конюшне. — Наши могут выйти к реке вовсе не на этом участке.

Остальные командиры молчат. Лепешев тоже.

Но полковник рад и этой слабой поддержке.

— Этот кусочек правого берега не представляет для нас никакой ценности. Лишь распылим силы и потеряем пулеметы. Ни за понюшку табаку потеряем. Завтра немцы ударят по этому клочку так, что тут живого места не останется. Зачем нам терять людей, да притом еще таких обстрелянных? Мы и без того много потеряли... Надо спасти то, что есть.

— А может быть, все же оставить взвод Лепешева на месте? — неожиданно говорит раненый подполковник. — Если окруженцы пойдут сюда, то они действительно смогут помочь им. Хотя бы огнем.

— Вам прекрасно известно, подполковник Тарасюк, что командование поручило нам не допустить форсирование противником реки на нашем участке! — В базе полковника снова звучит раздражение. — Выполнить приказ — вот наша первейшая задача. Приказ — закон. Сами понимаете, положение тяжелое. Стабилизировать фронт — вот важнейшая цель. Ни на какие авантюры я не пойду. Вы же знаете, что резервы исчерпаны, что фронт по Донцу держат лишь соединения, чудом избежавшие полного разгрома.

«Эх, какой же ты напуганный, — осуждает про себя командира дивизии Лепешев. — А если бы ты был на месте тех, кто там, в степи?»

Савеленко начал войну генералом, командиром корпуса. В летних боях в Белоруссии потерял он все свои части, а также и штаб. Сам каким-то чудом сумел выбраться из окружения. Понизили Савеленко в звании, поставили командовать дивизией. И снова неудача. Лепешев мог понять обозленного комдива: опять достанется ему на орехи от высшего командования. Для Савеленко единственный шанс доказать, что он способен командовать соединением,— выполнить приказ, удержать правый берег Северного Донца. Это мог понять Лепешев. Но он не понимал раздражения, с которым полковник встретил предложение оставить пулеметчиков на правом берегу. Взвод в масштабах дивизии, даже потерявшей две трети личного состава, величина малая. И притом нельзя же в самом деле повернуться спиной к товарищам, на пределе сил выбивающимся из немецкого окружения!

«Как же так? — думает Лепешев. — Мы хоть и потрепанные, но вырвались. А на остальных наплевать?»

Будто прочитав мысли лейтенанта, полковник Савеленко не торопится ступить на плот. Он останавливается у воды, поворачивается к Лепешеву, молча смотрит ему в лицо.

Молодому лейтенанту становится не по себе под этим внимательным взглядом, но он старается не отводить взгляд.

Молчание затягивается.

— Скажите, лейтенант, — наконец произносит Савеленко, — этот боец... как его...

— Красноармеец Глинин.

— Этот Глинин действительно рядовой красноармеец?

— Так точно!

— Он что?.. Он что, разжалованный кадровый командир?

— Никак нет. Бывший бухгалтер.

— Так-с... Это вам досконально известно?

— Согласно документам — так!

— Хм... Ну, все равно. Приказ остается в силе. Завтра доставить его в штаб.

— Слушаюсь!

Полковник оглядывается на плоты, колеблется.

Лепешев чувствует, что он что-то не договорил, не договорил весьма важное, необходимое.

— Будут еще указания? — Лепешев напрягается, ожидая ответ.

— Нет. Вроде бы все ясно...

— Значит, переправляться?

— Да. Приказ не отменяю. Но... — Савеленко продолжает колебаться. — Но... если возникнет непредвиденная ситуация... Если произойдет что-нибудь чрезвычайное... Разрешаю действовать по обстановке!

— Слушаюсь! — с облегчением гаркает Лепешев. Савеленко сказал именно то, чего он ждал.

— Но только при чрезвычайных обстоятельствах!.. — Полковник внушительно покачивает указательным пальцем, а в голосе его лейтенанту слышится затаенная грусть. — Всем нам будет искренне жаль, если с вами что-либо случится, лейтенант. Всем. И мне тоже. Вы меня понимаете?

— Так точно! — Лепешев готов расцеловать упрямого в принятых решениях Савеленко. Он рад грустным искренним ноткам в его потеплевшем голосе, рад разрешению действовать самостоятельно и разом прощает полковнику и недавнюю резкость с Глининым, и приказ доставить того в штаб, забывает собственное недовольство этим.

— Вот так... — тихо произносит Савеленко. — Гибель вашего взвода была бы тяжелой потерей для всех нас... — Он кивает в сторону левого берега. — Понимаете?

Полковник крепко жмет Лепешеву руку и, ссутулившись, шагает на плот. Лейтенант впервые остро чувствует, какое в самом деле тяжелое бремя ответственности несет он на своих плечах.

Плоты и понтон отчаливают от берега. Лепешев остается у реки один. Есть изрытый щелями берег, желтая луна, широко разлившаяся река да он, двадцатитрехлетний лейтенант Николай Лепешев, со смутным беспокойством на душе. И беспокойство это не оттого, что Лепешев сейчас одинок под желтой степной луной. Лейтенант думает о том, что он предпримет, если окруженцы в самом деле будут проры-

ваться к излучине реки, где держит оборону его взвод.

Лепешев скидывает гимнастерку, нижнюю рубашку и с наслаждением моется. Вода освежает его, усталость и сонливость исчезают. Умывшись, он идет посмотреть, как дела у автоматчиков, прикрывающих фланг его позиции. Те спят. Бодрствует только сержант. Он тихо окликает лейтенанта откуда-то из-под раскидистых верб, и Лепешев пробирается на звук его голоса.

В глубоком окопе, устланном камышом, разместились на шинелях уставшие за день бойцы. Лепешев присаживается рядом с сержантом, говорит шепотом:

— Ну, как дела?

— Спокойно. Немцев здесь нет. Ушли. Даже убитых не подобрали.— Сержант кивает на немецкие автоматы, сложенные аккуратной кучкой на краю окопа.— Одиннадцать штук.

— Добро. Возможно, скоро будем переправляться,— сообщает Лепешев.— Но... но, может быть, и не будем. Слышишь?

Сержант прислушивается к шуму боя. Даже здесь, под крутым берегом, стрельба кажется близкой, довольно громкой.

— Давно шумят. Кто это?

— Наши. Наверно, крупная часть из окружения вырвалась. Быстро к реке идут.

— Вот молодцы! — восхищается сержант.— То-то фрицы притихли.

— Не исключено, что нам придется остаться, а может, и атаковать немцев. Их тут мало осталось. Надо помочь нашим.— Лепешев еще не принял никакого конкретного решения, но какой-то неясный внутренний голос подсказывает ему, что уйти отсюда, с правого берега, не сделав всего возможного, он не сможет.

— Факт, надо! Не паскуды же мы, чтобы своим не помочь! — с энтузиазмом соглашается сержант. Он молод, этот сержант, гораздо моложе самого Лепешева, и в порыве его больше товарищеского чувства, нежели трезвого солдатского расчета, но лейтенант горячо жмет ему руку и говорит:

— Молодец! Правильно понимаешь. Разбуди кого-

нибудь из своих, пусть разведает, как тут лучше к немцам подобраться. Или сам сходи. Потом подымешься наверх — доложишь.

— Будет выполнено! — с мальчишеской легкостью соглашается сержант.

— Вот и добро! — Лепешев отправляется к другому береговому посту.

Когда лейтенант возвращается наверх, там царит покой. Бойцы спят. Бодрствуют только Глинин и Степанов. Бирюк наблюдает за противником, а бронбойщик сидит у задней стены конюшни и смотрит на левый берег — ждет сигнала красного фонаря.

Лепешев пристраивается рядом с Глининым и смотрит на освещенные лунным светом верхушки деревьев. Под деревьями же непроглядная темень. И тишина. А дальше, в ночной степи, вибрирует волглый воздух от перебранки пулеметов, от уханья взрывов. Лепешеву даже чудится, что он слышит рокот моторов. И действительно, где-то не очень далеко, ибо видно невооруженным глазом, вспыхивает сначала один язычок огня, потом другой, третий, четвертый... Желтовато-красные язычки эти сначала стремительно рвутся к небу, а потом спадают, становятся шире, светятся неярким багровым светом. Горят подоженные автомашины — догадывается Лепешев. Чьи горят машины — он не знает, но дрожащие точки огня заставляют его волноваться.

Глинин вдруг встает, прикладывает ладонь к уху. Лепешев невольно повторяет его движение. Теперь уже явственно слышит стук двигателя. Еще минута — и из-за увала выныривает яркий белый огонек. Это фара мотоцикла. Огонек стремительно приближается, растет, ширится. Вскоре мотоцикл подкатывает к саду, замолкает, несколько раз чихнув.

За деревьями начинается суета. Слышны голоса, звяканье оружия. Вдруг хлопает выстрел миномета, мина рвется где-то в развалинах. Затем через равные промежутки времени следуют новые взрывы. Несколько пулеметов начинают стрелять по освещенному лунной зданию.

Спящие бойцы вскакивают на ноги.

Лепешев дает команду по цепи:

— Огонь не открывать! Отвечать только фланговым пулеметам.

План Лепешева прост: дать понять немцам, что основные огневые средства с мыса эвакуированы, что оставлено лишь небольшое прикрытие.

— Бери автомат. Потренируйся и ты,— весело говорит он Ильиных.

Здоровяк-бронбойщик, зевая, устраивается у амбразуры и открывает огонь.

В здание забегает Степанов:

— Разрешите доложить, товарищ лейтенант! С левого берега сигналият. Красным.

— Хорошо,— равнодушно говорит Лепешев.— Можете отдыхать.

Глинин трогает лейтенанта за плечо, указывает в сторону противника. По белой ленте дороги, вслед за мотоциклом, медленно уползают в степь три большие черные коробки — автомашины с потушенными фарами. Теперь Лепешеву ясно, зачем гитлеровцы подняли бестолковый ночной шум. Видимо, дела у них далеко не блестящи, если выскребают последние резервы. Лейтенант укрепляется в своем решении не покидать позицию.

Стрельба из садов прекращается. Опять тишина разливается над разрушенным хуторком. Только в степи, где-то уже совсем недалеко, гремит перестрелка. Лепешев совершенно ясно различает в частом треске автоматных очередей басовитый голос «максима».

Снизу приходят сержанты-автоматчики. Докладывают о результатах разведки. Немцев у реки, оказывается, действительно нет. Лишь на флангах у берега имеется по пулеметному расчету — и это все прикрытие. Снять посты нетрудно, так как они обнаружили себя, ведя огонь по конюшне.

Лепешев отпускает сержантов отдыхать, а сам продолжает вслушиваться в звуки непрекращающегося ночного боя. Ему совершенно ясно: немцы исчерпали все свои возможности и советские солдаты вот-вот появятся у реки. Важно, чтобы они вышли именно сюда, к садам. Лейтенант соображает, каким образом дать знать окруженцам, что здесь находятся свои.

Снизу прибегает запыхавшийся младший лейтенант.

— Товарищ лейтенант! Давайте поторапливайтесь. Мы вас давно ждем. Вы что, не видели сигнал?

Лепешев включает фонарик. Он в годах, высок, но хлипок, этот младший лейтенант с эмблемой войск связи на петлицах. Он нервно косится в ту сторону, откуда доносятся звуки перестрелки, и нетерпеливо переступает с ноги на ногу.

Лепешев принимает окончательное решение. Гасит свет.

— Сколько вас?

— Нас? Мы пригнали четыре плота и понтон. Нас двенадцать. Вместе со мной.

— Хм... Это уже сила. Вооружены?

— Нет.. То есть да. У меня наган, у бойцов винтовки, но патронов...

— Ничего. Мы снабдим вас немецкими автоматами,— усмехается Лепешев. Его забавляет нервозность младшего лейтенанта.— Переправа отменяется. Сюда подходят наши прорвавшиеся части. Мы обязаны им помочь. Так что вам придется возглавить группу, которая атакует немцев, находящихся в садах.

— Я?!— Голос связиста осекается, он испуганно вертит головой.— Я... я... как вам... Я радиотехник и в этих делах ничего не понимаю... Меня послали за вами — и это все. Мне приказано через час быть на левом берегу. Лично командир дивизии приказал. А уже прошло...— Он тыкает в светящийся зеленоватым фосфорным светом циферблат наручных часов.— Уже прошло более пятидесяти минут. Мы и так опаздываем!

— Я вам повторяю,— свирепо цедит сквозь зубы Лепешев.— На подходе к реке наши войска, наши советские люди. Мы обязаны им помочь! Полковник Савеленко не мог этого знать, когда отправлял вас сюда.

— Но я ничего не понимаю в немецком оружии...— умоляющим голосом говорит младший лейтенант.— И вообще... Давайте я сплаваю на тот берег и доложу обстановку. Если мне прикажут, то пожалуйста... Я вернусь,— быстро тараторит он, обрадовавшись спасительной мысли.

Лепешеву ясно, что от этого перепуганного резервиста толку не будет. Бесполезно разговаривать.

— Ладно. Катитесь к едреной бабушке! — грубо говорит он. — Но только больше одного плота отсюда не угонять. И вот еще... Коль сами вы так цепляетесь за приказ, я вас не держу. Но бойцы ваши ведь не ограничены им. Может быть, найдутся добровольцы помочь товарищам?

— Я спрошу, — с готовностью обещает младший лейтенант. — Я все объясню и, если найдутся желающие, отошлю их в ваше распоряжение. Я бы сам... Я все понимаю. Но ведь мне приказано!

Лепешеву вдруг становится жаль этого пожилого нервного человека, который стыдливо прячет глаза в темноте. Конечно, это не вояка. Наверняка у него большая семья, малые дети. Лепешев почему-то в том уверен. Взяли вот такого робкого мужичонку, может быть сидевшего всю жизнь под жениным каблуком, надели на него военную форму и после маломальской подготовки послали на войну — делай и там свое гражданское дело, чини радиопередатчики. А вместо этого окружение, отступление, и нет ни передатчиков, ни радиоприемников, ни привычной работы. Болтался без дела человек — послали за реку. А тут изволь вести бойцов (этих сильных задиристых мужиков, которых на гражданке он очень побаивался, когда бывали они выпивши) в атаку, куда-то в темноту, в неизвестность...

— С вами пойдет мой боец. Он поговорит с вашими людьми, — поясняет Лепешев. — А вы передадите полковнику мое донесение.

— Конечно, конечно... — совсем не по-военному бормочет радиотехник и услужливо светит Лепешеву, пока тот пишет.

— Ильиных! — командует Лепешев, когда донесение написано и отдано. — Пойдите вниз, объясните красноармейцам обстановку. Если найдутся добровольцы, ведите сюда.

— Есть!

Младший лейтенант и бронбойщик уходят. А Лепешев с невеселой усмешкой думает о том, какую баню устроит ему полковник Савеленко, когда взвод в конце концов все же окажется на левом берегу.

Глинин опять трогает лейтенанта за локоть, снова указывает в степь. Там, в каком-то километре от садов, ярко полыхают три огромных костра. Горят грузовики — Лепешев четко видит это в бинокль. От костров мчится к садам мотоцикл с зажженной фарой. Он петляет по степи — очевидно, по нему ведут огонь.

В здание вваливается шумная ватага бойцов.

— Товарищ лейтенант! — зычно докладывает Ильиных. — Ваше приказание выполнено. Восемь красноармейцев-добровольцев прибыли в ваше распоряжение!

— Ого! — весело удивляется Лепешев и по порядку крепко жмет в темноте руки добровольцам. — Ну, спасибо, товарищи. Благодарю за высокую сознательность!

— Служим Советскому Союзу! — вразброд, конфузливо отвечают солдаты, и Лепешев понимает, что этим людям, пришедшим в ночь и неизвестность, не нужны благодарности и награды. Лепешев улыбается в темноте и опять думает, что он чертовски удачливый на бойцов командир.

В садах снова вспыхивает стрельба. Хлопают минометные выстрелы, строчат пулеметы. Но взрывов нет. И пули не щелкают, не выбивают крошку из выщербленных стен. Лепешев недоуменно прислушивается, а потом бежит к развороченному углу здания. Оттуда смотрит в сторону противника. Так и есть. Немцы беспорядочно стреляют в степь. Там, возле балок, у которых днем шел бой, мелькают вспышки минных взрывов.

— Сержантов с береговых постов ко мне! — громко приказывает Лепешев.

— Сержантов с береговых постов к лейтенанту! — перекачивается по траншеям и с крайних пулеметных точек тотчас кричат вниз: — Эй! Сержант, к лейтенанту!

Вскоре молодые командиры автоматчиков появляются в конюшне.

— Даю вам в помощь по четыре добровольца, — кратко объясняет Лепешев. — Вы заходите от реки справа, вы — слева. Снимайте фланговые пулеметы и ждите ракету. По сигналу — в атаку на минометы. Общее руководство атакой поручаю Глинину.

— Ясно, товарищ лейтенант!

— Как только разделаетесь с фрицами, жгите все, что попадет под руку. Если есть там еще машины — жгите их. Устройте такой фейерверк, чтобы наши видели, что мы их встречаем!

8

Удар лепешевского взвода был для гитлеровцев полной неожиданностью. Напрасно лейтенант боялся, что оскалятся навстречу атакующим злые огоньки немецких пулеметов. Не успели фашистские пулеметчики сменить позицию, не успели и минометчики. Не погасла еще в ночном небе красная ракета, как затрещали в саду автоматные очереди, загромыхали взрывы гранат, и, перекрывая весь этот шум, огласил черный сад душераздирающий немецкий вопль.

Без криков «ура» стремительно ворвались на позиции немногочисленного противника бойцы, руководимые Глининым. Они делали свое дело зло и споровисто, и по тому, как быстро стала стихать стрельба, Лепешев понял, что все идет как надо. Лейтенант пожалел, что остался здесь, на основной позиции, а не принял участия в удачной атаке.

За садами вспыхивает слабенький дрожащий огонек. Как бы собираясь погаснуть, он некоторое время робко моргает за деревьями, а потом вдруг рвется вверх, вырастает в огромный столб ревущего багрового пламени. Вскоре рядом с ним поднимается к небу еще один сноп огня. Ночной ветерок приносит на мыс маслянистый, угарный запах бензина.

— Автоцистерну подпалили! — радостно гогочет Ильиных. Большой, сильный, он возбужденно топчется рядом с лейтенантом и завистливо глядит вниз. Наконец выдает свою тайную мысль: — Может, отпустите на минуточку, товарищ лейтенант?.. Я быстро. Теперь фрицы не скоро очухаются.

— Там и без нас народу хватает, — будничным голосом, хотя это ему трудно дается, говорит Лепешев. — Что, горящих машин не видели?

— Да как не видел... Сам сколько подпалил... — мнетса бронбойщик. — А тут...

Лепешев уже не слушает. Все его внимание при-

влечено к гулу, нарастающему в степи. Этот гул все ближе, ближе, и Лепешев вскоре слышит характерный рев танкового мотора. От балок идет на максимальной скорости танк.

— Ильиных, изготовиться! — на всякий случай командует лейтенант.

Бронбойщик сваливается в свой окоп.

Рев танка нарастает. Лепешев видит, как в свете пожараща мелькают человеческие фигуры, скрываются за деревьями, сливаются с черной землей. Лейтенант не сомневается: если это враг, бойцы встретят машину как положено.

На подходе к садам танк уменьшает скорость. Он урчит где-то невдалеке, за желто-красными столбами огня. Видимо, экипаж хочет понять, что происходит здесь. И танкисты, и залегшие за деревьями бойцы ослеплены пламенем.

Наконец танк взывает во всю мощь своей железной глотки и мчится к садам. Грохот и лязганье нарастают. И вот Лепешев видит в свете пожараща знакомый силуэт тяжелого танка КВ. Танк идет в стороне от дороги, и дуло его пушки настороженно глядит в сторону сада. Лейтенант готов засвистеть, по-мальчишески заулюлюкать от вспыхнувшего в душе торжества и огромного облегчения. Он готов бежать вниз, предупредить своих, чтобы не вздумали закидать танк гранатами.

Но делать этого уже не нужно. Выскочив из тени деревьев, посреди дороги появляется человек. Он машет пилоткой и неторопливо идет навстречу бронированной машине. Танк останавливается. Ослепительно вспыхивают фары, освещают машущего пилоткой Глинина (Лепешев сразу узнает его) ровным белым светом. Короткая заминка, потом открываются люки, и из машины стремительно выкатываются темные фигурки танкистов. Они кидаются к Глинину, обнимают его, целуют, подкидывают вверх свои рубчатые шлемы.

Тотчас из-за деревьев высыпает толпа кричащих бойцов. Они машут над головами оружием, пляшут, восторженно качают танкистов.

— Э-эх! — завистливо вздыхает у амбразуры Ильиных, опускает приклад противотанкового ружья и

грустно говорит второму номеру Степанову: — Не везет нам с тобой, Егорыч...

Усач тоже вздыхает и ничего не отвечает, он глядит на освещенных пожарищем людей и утирает щеки.

Торжество на дороге наконец утихает. Танкисты идут к своей боевой машине. Взлетают в небо подряд три ракеты: красная, желтая и зеленая. Танк разворачивается и начинает мигать фарами затаившейся, примолкшей степи.

Через некоторое время в темноте рождается сначала слабое, а потом все более громкое и мощное «у-р-р-а-а!». Усиливается на короткое время стрельба и захлебывается, будто задавленная неукротимой мощью сотен голосов. Лепешев догадывается, что окруженцы последней атакой смяли остатки той группы немецких солдат, что недавно были увезены на черных грузовиках. Над балками взлетают ракеты. Три зеленые. И там, в глубине степи, за валом нарастающего «у-р-р-а-а!», зажигаются светлячки автомобильных фар, они тоже быстро ползут к излучине реки.

Как призывные маяки, полыхают у садов два высоких столба чадного багрового пламени.

Но вот первая цепь бегущих со штыками наперевес красноармейцев подкатывается к огню. Снова восторженные крики, объятия, летящие вверх каски и пилотки. Кого-то качают вырвавшиеся из лап смерти бойцы. За первой цепью накатывается вторая. За ней третья. И вот уже огромная толпа людей мечется у пожарища и мигающего фарами танка. Лепешев ясно представляет, что там сейчас творится.

В свете танковых огней появляются автомашины. Длинная колонна их выползает из темноты и останавливается возле людского скопища. Восторженная толпа захлестывает головной грузовик, там опять кого-то качают, громко кричат, стреляют в воздух.

Наконец чья-то воля берет верх над кипящими у садов страстями. Лепешев ясно чувствует это дисциплинирующее начало, заставившее бойцов расступиться, очистить дорогу перед автоколонной. Слышатся громкие команды, красноармейцы начинают группи-

роваться по подразделениям. Головная автомашина трогает с места и со светящимися фарами ползет вверх по хуторской улице, за ней движется вся колонна.

Лепешев выходит на дорогу, туда, где через траншею сооружено какое-то подобие мостика, и включает фонарик. Поравнявшись с ним, передовой грузовик затормаживает, с подножки соскакивает коренастый, плотный капитан и весело спрашивает:

— Где тут у вас лейтенант Лепешев?

— Я Лепешев...

— Браток! Дай я тебя расцелую, дорогой ты наш лейтенант!

И не успевает Лепешев опомниться, как оказывается в железных объятиях капитана. Ну и крепко же капитан! У Лепешева даже кости хрустят. Он целуется с капитаном, вдыхает запах терпкого мужского пота и пороха и чувствует себя таким счастливым, каким не бывал давным-давно. Пусть вкатит фитиля обремененный заботами добряк Савеленко. Черт с ним, со взысканием! Вот за это счастье встречи со своими русскими людьми Лепешев готов на что угодно. Он узнал наконец-то, что даже в горести общего отступления случаются безмерные, ни с чем не сравнимые солдатские радости.

От остановившейся автоколонны подбегают еще несколько командиров. Они окружают лейтенанта, обнимают, хлопают по спине, плечам, счастливо хохочут.

— Ну-ка, покажите мне его. Покажите этого орла! — Растолкав всех, к Лепешеву протискивается рослый полковник. На его петлицах поблескивают скрещенные пушечки. Артиллерист. — Ну, спасибо, лейтенант Лепешев. От всей дивизии спасибо! — Полковник обеими руками трясет кисть Лепешева и широко улыбается, обнажая в свете автомобильных огней золотозубый рот.

— Ну, как тут у вас? — спрашивает полковник, когда страсти немного утихают.

Лепешев рассказывает командирам об обстановке на переправе.

— Четыре плота и понтон! — радуется капитан. — Значит, можем по одной машине потихоньку переправлять. Выдержит!

— Так не пойдет, — деловито говорит полковник. — Машины разгружать — и снова за ранеными. Пока немцы не пришли в себя, не сгруппировались, раненых надо вывезти из степи. Назначаю вас, капитан, начальником переправы. Батальон связи — в ваше распоряжение.

Командиры недолго совещаются, распределяя новые свои обязанности, затем расходятся. Лепешев остается один. Он понимает, что теперь не он хозяин на этом изрытом взрывами клочке земли, и чувствует легкую ревность. Мимо ползут грузовики, устало бредут к реке красноармейцы-связисты. Некоторые из них приветливо здороваются с лейтенантом, освещающим дорогу маленьким фонариком. Потом рядом с Лепешевым появляется сержант-сигнальщик с мощным аккумуляторным фонарем, и на лейтенанта уже никто не обращает внимания. Ему остается лишь завидовать четкости и порядку, который быстро устанавливается на узкой дороге, идущей к реке, порядку, который установили энергичные командиры, оттеснившие его, Лепешева, недавнего хозяина мыса, на второй план.

Лепешев идет в конюшню. Там его встречает Глинин. Докладывает:

— Товарищ лейтенант! Задание выполнено. Убитых нет, легкораненых трое.

Лепешев приказывает развести за задней стеной здания костер. Когда это сделано, строит взвод и медленно говорит:

— То, что вы сделали, — видели собственными глазами. Добавить к этому нечего. Мне остается лишь сказать, что я счастлив командовать такими бойцами. Надеюсь, что и в будущем мне не придется говорить других слов. — И заканчивает свою краткую речь: — От имени командования благодарю вас за отличное выполнение задания!

— Служим Советскому Союзу! — дружно звучит над покрытой туманной дымкой рекой.

«Значит, скоро рассвет», — отмечает про себя Лепешев и обыденным голосом командует:

— А теперь всем спать. Отдыхайте, товарищи.

Строй рассыпается, оживленно переговариваясь, бойцы расходятся.

Лепешев доволен, что никто не спросил, когда взвод будет переправляться, долго ли еще они будут сидеть в земляных норах на этом прибрежном взлобке. Почему не торопится переправляться — лейтенант и сам не знает. Какое-то смутное предчувствие подсказывает ему, что он, Лепешев, и его пулеметчики еще понадобятся здесь.

Лепешев стоит у самого обрыва и смотрит вниз. Коренастый капитан, видимо, дремать не любит. У берега уже не видно ни плотов, ни понтона. Под вербами, в свете автомобильных фар, бойцы разносят по щелям и береговым нишам носилки. Врач сортирует раненых: кого переправлять в первую очередь, кого класть в укрытие. И Лепешев снова невольно задумывает: такого порядка при переправе его собственной дивизии не было.

Сзади появляется Глинин.

— Вас зовут, — тихо говорит он незнакомым взволнованным голосом. — Генерал Федотов. Командир дивизии.

Лепешев удивляется взволнованности всегда хмурого, бесстрастного бирюка, но от вопросов воздерживается.

Генерал неширок в плечах, не лишку в нем и росту. Он стоит возле камуфлированной «эмки» и зябко поправляет накинутую на плечи шинель. На петлицах поблескивают звездочки.

— Товарищ генерал, лейтенант Лепешев...

— Ладно, давайте без формальностей познакомимся, лейтенант Лепешев. — Генерал жмет сухими, неожиданно сильными пальцами руку Лепешеву и разглядывает его из-под козырька сдвинутой на лоб фуражки. — Вот вы какой... Спасибо. Вы нам здорово помогли.

— Что вы, товарищ генерал... — Лепешеву неловко. За одну ночь услышал лейтенант столько искренних похвал и благодарностей, сколько не получил за всю предыдущую военную службу, хотя порой бывало куда тяжелей.

— Не скромничайте, лейтенант. Когда немцы ударили по авангарду из минометов, мы шли на послед-

нем дыхании. Уже приняли было решение укрепиться на сутки в балках, чтобы дать людям хоть чуть-чуть отдохнуть. А это значило бы, что мы могли завтра никуда не выйти. Могли навсегда остаться в тех балках...— Генерал опять зябко ежится.

— Вы нездоровы, товарищ генерал? Пойдемте к костру. Там теплее.

— Есть костер? — оживляется генерал.— Пойду с удовольствием. Несколько дней ночевал на земле. Очевидно, простыл немного.

У костра они садятся на пустые патронные ящики. Генерал угощает Лепешева папиросой и блаженно протягивает руки к огню.

— Правду солдаты говорят, что вы пошли нам на помощь по собственной инициативе?

— Не совсем так...— Для Лепешева вопрос этот неожидан.— Командир нашей дивизии полковник Савеленко знает, что мы встречаем вас.

— Знает? — Генерал окидывает Лепешева цепким взглядом небольших, глубоко посаженных глаз.

— Да, знает.

— Хм... Что ж, встретимся — поблагодарю его за воинское братство.

В голосе генерала Лепешеву слышится сомнение, и он спешит изменить неприятное направление разговора.

— Как вам удалось сохранить столько техники? — спрашивает он.— Такой путь прошли... Наши переправились без единой автомашины. А у вас даже танки!

— Э-э, юноша...— слабо улыбается генерал Федотов.— Всего один танк. А вчера их было куда больше. И бойцов много потеряли. Из вышедших половина раненых. Неделю же назад была полнокровная дивизия.

— Н-да... Окружение — не шутка,— сочувственно вздыхает Лепешев, наслаждаясь папиросой. В присутствии этого утомленного грустного человека с генеральскими звездочками на малиновых петлицах он чувствует себя свободно и легко.

Они молчат, думают каждый о своем. Наконец генерал спрашивает:

— Когда вы планируете переправиться к своим?

— А вы полагаете, что успеете переправить всех

раненых до рассвета? — задает встречный вопрос Лепешев.

— Едва ли.— Генерал долго кашляет, прикрывая ладонью маленький рот.— Раненых на прошлое утро было около полутора тысяч человек. Конечно, за сутки их стало много больше.

— Значит, завтра вам придется держать здесь оборону?

— Безусловно. Сводная рота уже окапывается в садах. Оборудуем промежуточную позицию на развалинах.

— Тогда нам необходимо остаться,— решает Лепешев.— Во-первых, мы не можем переправляться за счет раненых. Во-вторых, наши пулеметики и бронбойщики уже пристрелялись к местности. У них есть надежные ориентиры. Если немцы предпримут завтра танковую атаку, то в садах и развалинах вашим долго не продержаться. Следовательно, эта позиция опять станет основной.

— Пожалуй, вы правы,— подумав, соглашается Федотов.— В садах нам долго не удержаться. А полковник Савеленко не будет к вам в претензии?

— Полковник разрешил действовать по обстановке. Да и при чем здесь какие-то претензии, когда дело требует! — сердится Лепешев.

— Ого! — улыбается генерал.— Вы и в самом деле с характером.

— Год воюю — будешь иметь характер! — вырывается у Лепешева.

Генерал Федотов опять долго молчит. Отблески неяркого костра поддурманивают его осунувшееся лицо, делают его более молодым.

— Вы правы, лейтенант,— тихо говорит он наконец.— У немцев перед садами большая возможность маневра. А здесь, на круче... Тут только в лоб. Да еще на узком участке. Мы закопаем наш танк именно тут. И дадим вам две «сорокапятки». Согласны?

— Конечно.

Генерал опять улыбается и по-отцовски добрым голосом произносит:

— Ну, вот и договорились. Можно наше совещание считать законченным?

Лепешев конфузится.

Федотов тихо смеется и похлопывает его по плечу:

— Не надо, лейтенант. Я очень рад, что вы в самом деле хороший командир. Не всякий молодой человек так разумно делает свое воинское дело.— Он на мгновение замолкает.— Сегодня вот такой же юноша по своей глупости оставил противнику почти весь наш боезапас. Есть три дивизионные пушки, есть двадцать три миномета, а стрелять теперь нечем... Так-то.

— А патроны? — вырывается у Лепешева.

— Этим мы вас скромно, но обеспечим. И гранатами, и противотанковыми патронами. И к «сорокапяткам» снарядов дадим.

Они опять молчат, наблюдая, как ползут вверх разгруженные у реки грузовики.

— Женаты? — вдруг спрашивает Федотов.

— Нет.

— Мать и отец живы?

— Матери нет. Умерла. У отца новая семья.

— Гм...— Федотов поправляет на плечах шинель.— Хорошо, что не женаты.

— Да, хорошо,— неожиданно для себя охотно соглашается Лепешев.

— В атаку сами взвод водили? — спрашивает Федотов.

— Нет. Помкомвзвода. Я оставался здесь.— У Лепешева начинают гореть уши, ему кажется, что генерал сейчас саркастически усмехнется.— Нужно было грамотно прикрыть огнем атакующих в случае осложнений.

Генерал не усмехается.

Он внимательно смотрит на лейтенанта и уважительно говорит:

— Весьма разумно поступили. Для молодых командиров такое самопожертвование — редкость. Юные лейтенанты зачастую стремятся и где нужно, и где не нужно играть первую скрипку. Чаще всего в ущерб руководству боем. Не зазнавайтесь, но вы молодец.

— Да ну...— снова конфузится Лепешев.— Моей заслуги тут нет. Помкомвзвода у меня надежный. Опытный боец. Это он вам огненный сигнал устроил.

— Да? — весело удивляется Федотов.— Вы бы хоть показали мне его. Как-никак я ему чем-то обязан...

— Глинин! — кричит Лепешев.

Из здания бесшумно появляется Глинин. Он останавливается у дверного проема, вдали от костра, и вытягивается по стойке «смирно».

— Красноармеец Глинин по вашему вызову явился.

— Подойдите ближе, — говорит Лепешев.

Глинин делает три шага и опять останавливается.

— Да подойдите же! — добродушно смеется Федотов. — На немцев в атаку ходить не трусите, а своих генералов боитесь.

Глинин подходит к костру. Федотов делает шаг навстречу и жмет ему руку.

— Спасибо, красноармеец Глинин! Вы нам весьма и весьма помогли. Благодарю. От всего личного состава благодарю!

— Служу Советскому Союзу! — чужим голосом отвечает боец.

Генерал досадливо морщится, ему, очевидно, хочется поговорить не по-казенному. А Лепешев удивляется.

Он видит, как мелко подрагивают пальцы у его вытянувшегося в струнку помощника. Такого за Глининым никогда не водилось.

— Я уже сказал товарищу Лепешеву, как вы нам помогли, — тихо говорит Федотов. — Хочу, чтобы и вы это знали, поняли в полном объеме.

— Так точно, понимаю, товарищ генерал-майор! — хрипло рубит боец.

Федотов опять морщится.

— Вольно, красноармеец Глинин. Присаживайтесь к костру. Поговорим.

— Разрешите доложить, товарищ генерал! Есть срочное дело. Не могу сидеть.

— Ну что ж... — Федотов сожалеюще разводит руками. — Коль так... Отпустим его, лейтенант?

— Да. Пусть идет. — Лепешева начинает всерьез беспокоить поведение помкомвзвода, он уже опасается, что бирюк выкинет какой-нибудь номер, вроде того, как вечером с полковником Савеленко.

— Идите, красноармеец Глинин, — хмуро говорит Федотов и пристально смотрит в лицо напрягшемуся бойцу.

— Есть идти! — с явным облегчением произносит Глинин, четко поворачивается и быстро скрывается в конюшне.

Генерал ногой подталкивает головешки в середину костра и о чем-то думает, а Лепешев гадает, что такое могло сегодня приключиться с твердокаменным бирюком, если у него вдруг стали дрожать пальцы.

— Всегда он у вас такой? — неожиданно спрашивает Федотов.

— Всегда. — Лепешев безнадежно машет рукой. — Бирюк бирюком. Двух слов в неделю не услышишь. А боец что надо. Будь моя воля, я б его без раздумий в комбаты произвел. Голова!

— Что ж, бывают и такие... — раздумчиво соглашается Федотов.

Из-за угла здания выбегает запыхавшийся майор. Он вскидывает руку к фуражке:

— Товарищ генерал! Штаб дивизии прибыл. Начальник штаба просил дать указание, где разместиться!

— Сейчас иду. — Федотов протягивает Лепешеву руку, прощается. — Значит, денек повоюем вместе, а?

— Повоюем.

— Ну и добро! Сейчас я пришлю артиллеристов. Укажите им, где разместить орудия. Лучше вас этого никто не сделает. И отдыхайте. Поспите немного. Завтра вам забот хватит, жарко будет. — И, уже повернувшись, добавляет: — А с полковником вашим постараемся договориться. Убедим, что вы здесь нужнее.

9

Просыпается Лепешев, когда раннее майское солнце заглядывает в узкую земляную щель, в которой он лежит на мягкой камышовой подстилке. Лейтенант долго потягивается под шершавой шинелью, и ему очень не хочется скидывать ее, идти навстречу новым хлопотам, заботам, которыми полно солнечное сырое утро.

В волглом приречном воздухе слышатся говор и звяканье лопат. Лепешев прислушивается к этому рабочему шуму и разом вспоминает ночные события. Хочешь не хочешь — надо вставать. Генерал Федотов

был прав: день должен быть жарким, и к нему надо хорошо подготовиться.

Как бы в подтверждение этой мысли, в узкой полосе белесовато-голубого неба, видимой из щели, появляется «рама» — двухфюзеляжный немецкий самолет-разведчик. Негромкий рокот его тонет в резком стуке пулеметов.

Лепешев скидывает шинель, выскакивает из щели. По «раме» бьют две счетверенные зенитные пулеметные установки. Темные строчки трассирующих пуль тянутся ввысь. Самолет закладывает вираж, теряет высоту, но смертоносные ниточки упорно следуют за ним. Еще несколько эволюций в утреннем небе — и «рама» поспешно уходит к югу, за ней тянется сероватый дымный след.

В окопах гогочут и свистят красноармейцы.

Лепешев с уважением смотрит на зенитчиков. Они успели закопаться по всем правилам военного искусства. Их приспособленные для круговой стрельбы огневые позиции отрыты на краях мыса, как раз за фланговыми пулеметными точками. Возникни нужда, они могут помочь и в отражении атаки пехоты противника.

Лейтенант обходит свой рубеж и невольно удивляется тому, как много могут сделать за несколько часов натруженные человеческие руки. Огромный КВ уже вполз в отрытый котлован, из земли виднеется лишь его башня, артиллеристы успели пробить амбразуры в толстенной стене конюшни, на случай бомбежки выкопали в пахнувшей конской мочой земле щели. В развалинах и между деревьями тоже копошатся красноармейцы. Они роют окопы, обкладывают брустверы дерном. Из сада ползет к переправе грузовик. Его кузов полон кривых, суковатых бревен. Многострадалные яблони послужат еще раз взрастившему их человеку. Пахнущие свежими соками украинской земли, яблоневые плоты спасут не один десяток жизней.

Умывается Лепешев в углу конюшни. За задней стеной, где горел ночью костер, уже отрыта щель. Да и в самой конюшне теперь не шибко разгуляешься. По примеру артиллеристов бронебойщики и пулеметчики тоже отрыли щели, углубили окопы.

Лепешев хвалит бронбойщиков за разумную инициативу и обходит траншеи. Там еще спят. Спит даже двуствольный Глинин. Видимо, бойцам досталось вчера куда больше, нежели это полагал Лепешев, коли не разбудил их оглушительный треск зенитных пулеметов. А если и разбудил, то, значит, велика усталость людей, коли, проснувшись, они вновь повалились на усталую камышом землю.

Лейтенант будит Глинина и сержантов-автоматчиков, приказывает поднимать бойцов.

Пока те делают побудку, лейтенант объясняется с молодым бойком интендантом, который пришел выяснить, сколько во взводе едоков, чтобы поставить их на довольствие. И Лепешев опять с уважением думает о генерале Федотове, у которого даже в столь трудной обстановке во всех службах сохраняется полнейший порядок.

Затем в конюшне появляются два молодых телефониста. Они докладывают, что прибыли в распоряжение лейтенанта, спрашивают, где нужно установить телефоны. Лепешев приходит в хорошее настроение, приказывает установить по аппарату на фланговых пулеметных точках, а два (для связи с берегом и пулеметчиками) в здании.

Настроение у лейтенанта и вправду хорошее. Черт возьми, пусть будет сегодня тяжело, но это порядок, это уже настоящая война. И связь, и централизованное питание — для Лепешева дополнительный источник уверенности в себе, уверенности в успешном ходе дела.

Как бы олицетворяя наступление новых времен, в конюшне появляются красноармейцы с термосами, и над береговой кручей растекается духовитый запах гречневой каши с мясом. Это не какая-нибудь задрипанная конина, а самая натуральная говядина. Генерал Федотов приказал: перед тяжелым боем накормить солдат досыта.

Пока его бойцы умываются, приводят себя в порядок и завтракают, Лепешев вместе с Глининым и сержантами обходит позицию, дает указания: где углубить окопы, где укрепить стенки траншеи, где откопать новые стрелковые ячейки. В пулеметном окопчике Максимова лейтенант указывает на умело

уложенные бревна с вырубленной между ними амбразурой, приказывает оборудовать таким образом все огневые точки.

— Пилите крайние деревья, тащите из развалин оконные и дверные косяки, разберите остатки хуторских печей, но позицию закройте. Иначе...

Глинину и сержантам не надо объяснять, что иначе будет. Они козыряют. После завтрака весь лепешевский взвод, в котором вместе с бронбойщиками, автоматчиками и добровольцами уже пятьдесят один человек, отправляется в сады и в развалины домов.

Лепешев глядит бойцам вслед и удовлетворенно думает, что, даже не считая артиллеристов и танкистов, активных штыков в его взводе побольше, чем в другом потрепанном батальоне. А если учесть насыщенность обороны тяжелым оружием, то дела совсем хороши. Тяжелый танк, две «сорокапятки», две бронбойки да девять пулеметов — это уже совсем сила. Теперь его, Лепешева, голыми руками не возьмешь. Дорого обойдется немцам этот прибрежный бугор, если они вздумают его штурмовать!

Лепешев знакомится с артиллеристами. Командует ими смуглолицый татарин, младший лейтенант с длинной фамилией Каллимуллин.

— В бою зовите меня просто Миша, — скаля иссиня-белые зубы, смеется он. — В бою на длинные слова времени нет. Меня в дивизионе все так зовут.

— А почему Миша? — удивляется Лепешев.

— Мидхат я. Это по-татарски. По-русски, значит, Миша.

— Быть по сему, — улыбается Лепешев. Веселый артиллерист ему нравится. Тот, кто знает, что будет тяжелый бой, но умеет не думать о возможной смерти, способен простодушно смеяться, — тот в жарком деле не подведет. Паникер — тот и паниковать начинает заранее. Проверено.

Расчеты противотанковых орудий под стать своему командиру. Народ молодой, крепкий, острый на слово. Оказывается, студенты-добровольцы. Как попали вместе в учебный полк, так вместе и воюют. Правда, от всего дивизиона осталось пять орудий, но студенты-

артиллеристы не унывают и нового своего «главнокомандующего» (вот черти, уже и прозвище дали!) лейтенанта Лепешева встречают приветливо. Они ему верят. Верит и Лепешев им. Он сразу вспоминает своих киевских ребят и рассказывает о них артиллеристам. После его рассказа бывшие студенты начинают вспоминать собственные беды в первых боевых стычках — теперь для них Лепешев совсем свой человек.

В здании появляется полковник-артиллерист. При дневном свете он выглядит еще внушительней, нежели ночью. Высокий, стройный, подтянутый, полковник весело здоровается с Лепешевым и обходит позицию.

— Как вы думаете, лейтенант, где пойдут танки, если прорвут оборону в саду? — спрашивает полковник.

— Только по хуторским улицам. Больше нигде.

— Я тоже так думаю, — подтверждает полковник. — Поэтому мы преподнесем немцам сюрприз. Заминируем улицы их же собственными противотанковыми минами «теллер». Слыхали о таких?

— Нет. Видеть не приходилось.

— Я тоже до вчерашнего дня не видел. Вчера мы захватили машину с этим добром. Ничего не скажешь — мины добротные. — Голос полковника благодушен, будто рассуждает он не о вражеских минах, на которых гибнут русские танки, а о приобретенной для семьи швейной машинке. — Так что вы дайте указание своим, чтобы улицами больше никто не ходил. Сейчас начнем установку.

Немецкие танки и мотопехота появляются, когда солнце стоит уже высоко и неподвижный воздух пышет дневным зноем. Колонны противника идут по обеим дорогам, и над степью подымается мутно-желтое облако пыли.

Лепешев в это время стоит на краю обрыва и наблюдает, как по реке передвигаются плоты с ранеными и понтон со 152-миллиметровой гаубицей-пушкой. Плоты плывут, как и накануне, очень медленно, но, так как их гораздо больше, лейтенанту кажется, будто движение на реке сегодня более быстрое.

Немецкие колонны стремительно приближаются.

Грузовики, танки, тягачи на полном газу мчатся по дорогам, и Лепешеву чудится, что они вот так с ходу хотят ворваться в прохладную тень садов. Но громыхают за деревьями «сорокапятки», вырастают перед головными машинами пыльные фонтаны взрывов, и колонны рассыпаются. Грузовики сворачивают с дороги, идут вправо, влево, с них соскакивают солдаты и скрываются в балках. Лепешеву вспоминается вчерашний маневр мотоциклистов, и он хмуро думает, что у сегодняшнего противника солдаты вымуштрованы ничуть не хуже.

Порожние грузовики разворачиваются, уезжают из зоны огня противотанковых пушек. Их прикрывают танки, которые на почтительном расстоянии ползают перед фронтом обороняющихся и изредка постреливают в чащу садов. Еще дальше, за балками, тягачи растаскивают в одну линию тяжелые полевые гаубицы. Лепешеву в бинокль хорошо видны фигурки артиллерийских офицеров, указывающих места установки орудий.

Все это делается быстро, четко, с неприятной для лепешевского глаза педантичностью. Лейтенант наперед знает, что немцы сейчас протянут телефонные линии, развернут автомобильную радиостанцию у командного пункта, который опять-таки будет и максимально близко к боевым порядкам, и вне зоны огня орудий и пулеметов противника. Он не ошибается. Немцы верны себе. От артиллерийских позиций к балкам медленно идет мотоцикл, с прикрепленной к коляске катушки сползает телефонный кабель. Вдали, у дороги, скапливается несколько броневиков, они окружают большой штабной автобус. Возле автобуса, выставив в жаркое небо длинную металлическую антенну, замирает автомобильная радиостанция. От этого скопища броневиков и автомобилей тоже ползут в разные стороны мотоциклы с катушками.

Лепешев наблюдает за разворачиванием противника и злится. Злится оттого, что все это происходит на глазах, как на учениях. «Знают, сволочи, что нам нечем их угостить... — мрачно думает Лепешев. — Из пушечек бы их сейчас, из дивизионных!..» — И ругает неизвестного ему ротозея, который оставил боеприпасы противнику.

Вдруг рядом гремит орудийный выстрел. Лепешев вздрагивает от неожиданности. Это бьет из своей пушки закопанный танк КВ. Темный султан взрыва вырастает далеко за скопищем броневых автомобилей. Еще выстрел. Недолет.

«Допухи!» — сердится Лепешев на танкистов, но в это время снаряд разносит автомобильную радиостанцию. Летят в воздух обломки; блеснув на солнце, отлетает в сторону антенна.

Броневики расползаются в стороны, панически несутся назад, в степь, штабной автобус. Еще несколько взрывов, и на том месте, где только что был подвижной командный пункт, — пусто. Лишь горят две разбитые автомашины.

Свистят и улюлюкают бойцы возле конюшни. Те, что в садах, молчат. Тем ничего не видно. Лепешеву тоже хочется сунуть в рот пальцы и, как бывало в детстве, свистнуть по-разбойничьи вслед удирающему автобусу. Но он сдерживается, лишь весело подмигивает подошедшему Каллимуллину.

— Дураки! — говорит тот. — Они считали, что угробили вчера все наши танки. Теперь гонора у них побавится.

Лепешев согласно кивает. Конечно, поубавится. Чванство и наглость дорого обойдутся фашистам. И дело вовсе не в разбитых автомашинах, уничтоженной радиостанции. Не менее часа потеряет противник, пока развернет где-нибудь в балке новый командный пункт, пока заново проложит телефонные кабели. Не организовав связь и взаимодействие между подразделениями, гитлеровцы на штурм хуторка не пойдут. Лепешев знает это как дважды два.

А танк уже пристреливается к артиллерийским позициям немцев. С береговой кручи они видны хорошо. И там тоже начинается суета, беготня возле окопанных орудий. Тягачи тянут 150-миллиметровые гаубицы подальше в степь. Некоторые орудия вступают в дуэль с танковой пушкой. Их поддерживают минометы и танки.

Лепешев и Каллимуллин укрываются в недавно оборудованном наблюдательном пункте. Большинство снарядов и мин пока еще проносятся мимо, вздымают фонтаны земли где-то далеко на левом берегу,

но лейтенант знает, что это только пока. Скоро немцы пристреляются, и тогда станет жарко. Хорошо еще, что нет в небе немецких бомбардировщиков. Видимо, мало у противника сил для активных действий на внешнем фазе харьковского котла; видимо, не сломлено еще ожесточенное сопротивление окруженных советских войск. Будь иначе, по всем немецким правилам должны гитлеровцы сначала хорошо пробомбить оборонительные позиции у хуторка, а уж потом броситься на штурм.

И все же бомбардировщики прилетают. Как и вчера вечером, появляется над рекой восьмерка «хейнкелей». Темные тяжелые машины уже не делают над излучиной реки поворот на запад, они совершают круг над мысом и перестраиваются для бомбометания. С ревом их моторов перекликается резкий треск зенитных пулеметов.

Лепешев обходит конюшню, отдает приказ расчетам ручных пулеметов и бронебойщикам изготовиться к отражению воздушной атаки.

Очевидно, у немцев есть отличная связь с самолетами. Нет обычных сигнальных ракет, а «хейнкели» разряжают первые бомбовые кассеты точно над садами. Взлетают вверх искалеченные деревья, черные столбы земли.

Бомбят семь «хейнкелей». На них и направлен весь огонь с мыса. А восьмой бомбардировщик безбоязненно закладывает вираж за виражом над конюшней, будто вынюхивает там добычу. Лепешев начинает следить за ним. Догадывается. Конечно, «хейнкель» ищет закопанный танк, который только что сильно подпортил гитлеровцам настроение.

Лейтенант подбегает к Глинину, тоже стреляющему по семерке, бомбящей сады, толкает его в плечо, указывая на одиночный «хейнкель», потом на башню танка. Старый солдат секунду смотрит на танк, затем на небо и все понимает. Меняет позицию. Лейтенант бежит к бронебойщикам.

Изготовив автомат, Лепешев следит за эволюциями бомбардировщика. Фашистские летчики, очевидно, обнаруживают наконец-таки цель. «Хейнкель» делает боевой разворот и на бреющем полете несется прямо на конюшню. Лепешев берет упреждение и на-

жимает на спусковой крючок. Он не слышит треска глининского пулемета, не слышит, как хлопают бронебойки. Он видит только остекленный, заостренный нос самолета...

Уже после, припоминая происшедшее в эти короткие мгновения, Лепешев вспомнил, как ему вроде бы показалось, что остекленный нос стремительно выраставшего в размерах бомбардировщика вдруг сделал клевок вниз. Но это были мгновения, и он не успел чего-либо понять. Самолет проревел над головой, ахнули где-то невдалеке оглушительные взрывы, и Лепешева сбросило взрывной волной с развороченного угла здания.

Когда он, оглушенный, ошалелый, поднимается на ноги, в конюшне царит праздник. Здоровяк Ильиных трясет над головой тяжеленным петеэром; Степанов хлопает себя по ляжкам длинными руками; высунувшись из щелей, весело разевают рты студенты-артиллеристы. Лепешев их не слышит, но чувствует: произошло что-то значительное.

Один Глинин серьезен и по-обычному невозмутим. На темном морщинистом лице ни тени улыбки. Он указывает лейтенанту на противоположный берег и снова берется за свой МГ-34.

Лепешев оборачивается и видит в левобережной степи полыхающий костер, над которым вздымается черная шапка дыма. Подносит к глазам бинокль. Ничего, кроме огня и дыма. Видимо, взрывом бомб разнесло фюзеляж самолета. И все равно глядеть на это пожарище Лепешеву приятно. Конечно, автоматной пулей такую махину не уничтожишь, скорее всего, это дело бронебойщиков или Глинина, но все же... Чем черт не шутит, может, и его, лепешевская, пулька пропоролла брюхо чванливого фашистского аса.

Близкий глухой взрыв мины заставляет Лепешева опустить бинокль. На ослабших, подкашивающихся ногах он плетется в здание и садится спиной к стене. Тяжело дышит, пробует свернуть дрожащими пальцами самокрутку, но ничего не получается.

Из щели выскакивает Каллимуллин.

— Сильно тебя? — кричит он в ухо Лепешеву.

Лейтенант слышит плохо, но понимает.

— Ерунда. Пройдет.

Артиллерист весело тычет рукой вверх и что-то говорит, но Лепешев не разбирает слов, будто ватой заложены уши. Все же чуть слышатся пулеметные трели, уханье мин, бомб, и он понимает одно: противник продолжает бомбить и обстреливать оборонительные позиции у хуторка. Значит, надо вскоре ждать атаки. Лепешев знает, что глухота и слабость скоро пройдут (легких контузий лейтенант перенес несть числа), нужно лишь немного полежать, но знает он и другое: поскольку бой начался, выбывать из строя никак нельзя.

— Сверни, Миша, сигарку, — просит он Каллимуллина.

— Зачем сигарку? Кури сигарету. Французская. Вчера в немецком броневике нашел, — радушно предлагает артиллерист и протягивает портсигар.

Лепешев опять не разбирает слов, но сигарету берет. Густой табачный дым вызывает тошноту. Лепешев кашляет, швыряет сигарету в грудку кирпичей. От кашля что-то щелкает в ушах, будто выпадают из них ватные пробки, и лейтенант уже совсем ясно слышит грохот нарастающего боя. Он встает и, пошатываясь, идет к разрушенному углу, с которого недавно сбросила его взрывная волна.

«Хейнкели» забрались ввысь. Их уже только шесть. Как раз тогда, когда Лепешев выглядывает из-за стены, они высыпают последнюю серию бомб.

— Болваны! — смешливо и неожиданно громко орет Каллимуллин. — Испугались, шайтаны! Кто же бомбит с такой высоты...

Действительно, рассеяние бомб велико. Взрывы поднимают фонтаны земли где-то между садами и ползающими по голубовато-зеленой степи танками.

Бомбардировщики уже не строятся в крейсерскую колонну, один за другим уходят на юг. И чем тише становится рев их моторов, тем громче слышатся Лепешеву взрывы мин.

По тем же традиционным немецким правилам после бомбовой долбежки должна начаться атака. Но ее нет. И, очевидно, не скоро будет. Танки Т-IV — а их четырнадцать — больше не стреляют; в надежде вызвать на дуэль КВ они отползают к балкам и останавливаются там рассредоточенной группой.

За балками тянется ввысь темный султан дыма. Еле видный в бинокль, торчит из земли переломившийся надвое фюзеляж самолета, там догорает тот, седьмой, «хейнкель», которого недосчитался Лепешев в белесовато-голубом небе.

Лейтенант успокаивается. Садится на груды кирпичей. Возле конюшни то и дело рвутся мины, но спускаться в наблюдательный пункт ему не хочется, хотя там можно полежать, пока не началась немецкая атака.

Этот новый наблюдательный пункт оборудовал для лейтенанта тот же Глинин. Ему помогли телефонисты и бойцы-артиллеристы, которых выделил Каллимуллин. Под огромной глыбой рухнувшей стены откопан просторный окоп — вернее, блиндаж, в фундаменте пробита амбразура, из которой хуторок, сады и копошащиеся в степи немцы видны как на ладони. Там размещены телефоны, установлена каллимуллинская стереотруба, есть земляная, устланная типчаком и мятником, духовито пахнущая лежанка. Не наблюдательный пункт, а настоящий дот соорудил под рухнувшей стеной Глинин! И все равно Лепешеву не хочется спускаться туда. Ему лень пошевелиться.

— Ты бы малость полежал, — предлагает Каллимуллин. — Давай помогу. До атаки отдохнешь.

— Обойдусь. — Лепешев вяло качает кистью.

Ему в самом деле кажется, что если он посидит немного, то вялость пройдет. Но новый близкий взрыв мины обдаёт лейтенанта кирпичной пылью. Над головой свистят осколки, куски кирпича.

— Непорядок... — хмуро бурчит Глинин, как-то незаметно появившийся рядом с лейтенантом. Он умеет появиться возле командира вот так, незаметно, когда Лепешев не знает, что делать, или лихачит под огнем.

И Лепешев сразу сознает, что действительно непорядок. Ему, старшему командиру на основном рубеже, совсем ни к чему сидеть под минометным огнем, каждую минуту рискуя получить осколок. Он встает.

В блиндаже и впрямь удобно. Поверх травы на лежанку брошено несколько немецких пятнистых плащ-палаток. Здесь сравнительно тихо. О чем-то мир-

но беседующие телефонисты кажутся Лепешеву не солдатами, а случайно забредшими сюда мальчишками.

Лейтенант плюхается на лежанку, блаженно вытягивает ноги.

Глинин кивает на нишу, вырытую в боковой стене блиндажа. Там у запасливого помкомвзвода несколько фляг с немецким ромом. Бирюк утром принес их из сада вместе с плащ-палатками и несколькими ящиками немецких патронов.

Лепешев отрицательно качает головой — он не имеет привычки пить перед боем.

Глинин не проявляет ни малейшего недовольства. Указывает пальцем на мотоциклетную фару, подвешенную в углу блиндажа. Эту фару и аккумулятор он снял с разбитого немецкого мотоцикла.

Лепешев опять отрицательно качает головой. Нет, и освещения электрического ему не надо. Достаточно света из амбразур.

Глинин сосредоточенно чешет затылок, потом молчком, как и пришел, покидает блиндаж. Но от утробной заботы его Лепешеву вроде бы становится легче. В голове у лейтенанта все еще шумит, но он чуть улыбается и думает, что Глинин, помимо всего прочего, неплохой хозяйственник, умеет обживаться на новом месте не хуже загребастого сибиряка Максимова.

— Новенького ничего нет? — спрашивает Лепешев телефонистов.

Те вскакивают, мнутя.

— Никак нет!

— Так-таки ничего?

— Официально ничего не сообщено, товарищ лейтенант, — говорит один из телефонистов, красивый чернобровый парень, помаргивая большими серыми глазами. — Только вот ребята...

— Что ребята?

— Ребята сказали, будто первому, и вообще всему штабу, приказано срочно переправиться на левый берег.

— Солдатское радио... Что ж, так оно будет лучше. — Лепешев перестает улыбаться, он чувствует, что за этой новостью кроется нечто серьезное.

Немецкие танки прорываются в сады после второй атаки.

Сначала они атаковали по всему фронту, но когда из-за деревьев начали стрелять противотанковые пушки, развернулись и быстро вышли из зоны действительного огня.

Вскоре артиллерия противника открывает огонь по засеченным наблюдателями противотанковым пушкам.

— Неужели сидят на месте, а? — волнуется у стереотрубы Каллимуллин. — Надо было сразу сменить позицию.

— Не дураки, сменили, конечно, — успокаивает его Лепешев, а сам думает, что если артиллеристы не перетасили в паузу свои «сорокапятки» на запасные точки, то им уже не стрелять — артиллерийская инструментальная разведка у немцев поставлена неплохо.

Расчеты противотанковых пушек дело свое знают. Они успели сменить позиции. Однако это не может спасти положение. Танки вдруг стремительно мчатся к левому флангу. Строятся там уступом и вдоль берега реки на максимальной скорости, ведя на ходу интенсивный огонь, устремляются к садам. Их натиску противостоит лишь одна левофланговая пушка. Противотанковые орудия, расположенные в центре и на правом фланге оборонительного рубежа, помочь своим товарищам не могут — за пологими холмиками танки им не видны.

Используя неровность местности, защищенные от флангового огня, все четырнадцать танков нацеливаются на один узкий участок. По тому же левому флангу беглым огнем бьют и орудия и минометы. По мере приближения танков к садам черная стена взрывов смещается в центр, а потом на правый фланг.

В блиндаж к Лепешеву врывается старший лейтенант танкист, командир закопанного КВ.

— Д-давай откроем огонь, лейтенант! — отрывисто кричит он и нервно мнет в руках шлем.

— Сколько у тебя бронебойных снарядов? — стараясь говорить спокойно, спрашивает Лепешев, не отрывая глаз от бинокля.

— Од-диннадцать...

— Вот видишь... Ничем ты им сейчас помочь не можешь. Поздно. Смотри.

Танкист втискивается между Лепешевым и Каллимуллиным, смотрит в амбразуру. Два танка стоят у реки. Один горит, у другого перебит гусеница. Остальные двенадцать уже ревут между деревьями.

— Т-так ведь п-переменут они там наших! — с отчаянием рычит танкист. — Как п-пить дать п-передают!

— Не передают, — глухо откликается Лепешев. — Ты лучше проследи, чтобы твои орлы понадежнее прикрыли башню.

— А-а... Д-давно прикрыли! — плачуще огрызается танкист. — Ведь п-переменут, с-сволочи!

Разговор бестолков и совершенно неуместен. Еще когда Лепешев валялся на лежанке, к нему приходили полковник-артиллерист и этот самый старший лейтенант. Обсудили детали предстоящего боя и единогласно пришли к выводу, что танк будет последним резервом защитников мыса, что вновь вступит в бой он лишь тогда, когда немцы преодолеют заминированные улицы. Тогда старший лейтенант со всем согласился, как согласился с тем, что временным его начальником станет командир званием ниже — лейтенант Лепешев.

Генерал-майор Федотов одобрил принятое решение и лично говорил по телефону как с Лепешевым, так и с танкистом.

— Танк использовать лишь в самый критический момент! — сказал он.

И несмотря на это, старший лейтенант прибежал сейчас сюда и просит согласия Лепешева открыть огонь по прорвавшимся в сады танкам. А что это даст?

Вслед за танками врывается в сады неприятельская пехота. Теперь спасение защитников первой линии обороны зависит от того, как скоро они сумеют отступить на правый фланг и берегом реки уйти к своим...

— Хоть п-парочкой их угостить! — рычит танкист. — Хотя бы п-парочкой!

— Ничего ты не сделаешь двумя снарядами, — це-

дит сквозь зубы Лепешев.— И вообще...— Ему хочется обругать чрезмерно нервного танкиста, но он только отплевывается и приказывает чернобровому телефонисту: — Сергеев, свяжитесь с фланговыми пулеметными точками. Что они видят?

Артиллерийский и минометный огонь неожиданно прекращается. Немецкая машина взаимодействия срабатывает точно. Гитлеровцы боятся нанести урон своим. Лепешева бесит эта точность. Окаменели крупные мышцы стиснутого рта. Лейтенант глядит в амбразуру и не знает, что предпринять. Из сада доносится пулеметная, винтовочная и автоматная стрельба. Звонко ухают танковые пушки.

— Слева пробежали к своим пять человек,— докладывает телефонист.— Справа еще никого нет. Лишь пронесли несколько раненых.

— Так! — Лепешев смотрит, как танки подминают яблони, как мелькают за деревьями мундиры немецких солдат, и соображает, чем может помочь своим.

Из развалин по гитлеровцам открывают огонь пулеметчики и бронебойщики. Один из танков загорается. Над садами вырастает столб сажистого дыма. Гитлеровцы открывают ответный огонь. Из-за деревьев выползают на дорогу три танка и, ведя пушечно-пулеметный огонь, устремляются к промежуточной позиции. За ними бегут автоматчики.

— Миша! — кричит Лепешев, но Каллимуллина рядом уже нет. Лейтенант сует в рот свисток и тоже выбегает из блиндажа. Дает сигнал.

Вздрагивает береговая круча. Одновременно бьют «сорокапятки», бронебойки, станковые и ручные пулеметы. Валяются в хуторскую пыль вражеские автоматчики, начинают метаться, падать под деревья солдаты в саду. Один за другим останавливаются, начинают дымить два танка. Третий разворачивается, несется назад за деревья, но и его настигает снаряд каллимуллинских пушкарей. Сначала расплывается в пыли перебитая гусеница, а потом приземистая машина вздрагивает всем корпусом, одевается шапкой дыма.

Артиллеристы и пулеметчики продолжают вести огонь по левой стороне сада. Стволы израненных деревьев прикрывают гитлеровцев, но все равно психо-

логический эффект внезапно обрушившегося шквала огня велик. Немцы залегают, они уже не рвутся вперед.

Из блиндажа выскакивает телефонист. Он что-то докладывает, но Лепешев не слышит. Лейтенант машет рукой, телефонист подбегает, кричит в ухо:

— Справа у реки отходят наши. Катят одну противотанковую пушку.

У Лепешева становится легче на душе. Еще десяток минут интенсивного огня — и все живые, все способные двигаться покинут взломанную линию обороны.

Лейтенант доволен. В хорошо подогнанные шестеренки немецкого наступления удалось всунуть крепкий болт. Заскрежетали, начали крошиться железные зубы немецкой атаки. Немецкой воле противопоставлена русская воля. Пусть хоть лопнут от злости фашистские офицеры, руководящие боем из штабного автобуса, что запрятался где-то в балках, пока не придут в себя распластавшиеся на горячей земле солдаты, пока не приведут себя в порядок смятые внезапным фланговым огнем подразделения, — до тех пор они, эти офицеры, бессильны что-либо сделать, не могут дать приказ о возобновлении артиллерийского обстрела, не могут диктовать обороняющимся свою волю.

Поэтому Лепешев не дает команду на прекращение огня. Сады хоть и густы, но это не сплошная стена — многие пули и снаряды могут найти свою цель.

Противник не отвечает. Не стреляют даже танки. Они, очевидно, выбирают из садовой чащи назад в степь, на простор. Три больших чадных костра, что полыхают у хуторских развалин, видимо, внушают и танкистам чувство опасения. Потеря в начале боя шести боевых машин — из них пять безвозвратно — заставит кого угодно стать осторожным.

На краю обрыва, у правобанковой пулеметной точки, появляется человек с забинтованной головой. Он машет рукой и спрыгивает в траншею. Вскоре в конюшне появляется перепачканный землей и кровью моложавый капитан. Он без головного убора, поверх наспех намотанного на голову бинта расплылось большое розовое пятно, гимнастерка порвана.

Потерь во взводе нет, и бойцы веселы. Все подтрунивают над пулеметчиком Хасановым. Боец надумал подсушить портянки на жарком солнышке и разложил их на обломке доски за своей пулеметной точкой. А тут, как на грех, затеял КВ перестрелку с немцами, затем появились «хейнкели», и пошло одно за другим... Когда стихло, вспомнил Хасанов о своем добре, но обнаружил лишь клочки материи, перемешанные с землей.

Сейчас, пользуясь затишьем, Хасанов бродит по траншеям и выспрашивает, у кого есть запасные портянки. Над ним хохочут, предлагают кто пилотку, кто носовой платок, а хозяйственный Максимов обещает отдать дамские панталоны, которые обнаружил утром в ранце убитого немца, если он, Хасанов, еще раз споет ту веселую татарскую песню, что пел в кабинете комиссара госпиталя нынешней весной. Хасанов матерится, обзывает Максимова сибирским куркулем. В конце концов портянки находят. Жертвует их тот же Максимов. Новые, белехонькие, байковые, зимние.

Скоро снизу приносят обед, и на позиции становится совсем весело.

Лепешев в это время стоит за конюшней, наблюдает, как на плоты грузят раненых. Это те, из сада. Последние. Остальные уже переправлены. Раненых размещают на пяти больших плотках, на остальных — пехота, противотанковая пушка, минометы, какие-то ящики и походная кухня. На понтон, тихо урча, забирается трехосная автомобильная радиостанция. Переправа федотовской дивизии завершается. У реки уже совсем немного народу. И ни одного раненого, ни одной целой машины.

Знакомый гул нарастает в воздухе.

— Воздух!!!

Лепешев вскидывает бинокль. В пышущем зноем небе быстро растут темные точки. Их двенадцать. Вскоре можно различить, что это «Юнкерсы-87» — «козлы», как кличут их бойцы. С неубирающимися, прикрытыми обтекателями шасси они идут откуда-то с юго-запада, и Лепешеву становится заранее не по себе — он не переносит вой сирен, которые включают

«козлы» при пикировании на цель. Наивная штука для запугивания, а Лепешев, зная это, все равно не выносит «завывалок». Слишком многое всплывает в памяти под их вой. Не однажды засыпало его в окопе под такую «музыку»... Лейтенант идет в здание.

— Всем, кроме фланговых и зенитчиков, — за заднюю стену! — кратко командует он. Лепешев не сомневается, что одновременно с бомбежкой начнет обстрел и артиллерия.

Расчет лейтенанта прост. На узкой полоске земли, что тянется меж задней стеной конюшни и обрывом, — безопасней. Хоть и будут метко бомбить, все равно девяносто девять бомб из ста взорвутся или под обрывом, или в конюшне. И в том и в другом случае люди останутся невредимы. А от снарядов совершенно надежное укрытие — пусть попробуют пробить две толстые стены, вспахать открытую за ними щель!

За фланговые пулеметные точки лейтенант не беспокоится. Их можно уничтожить лишь прямым попаданием. А это почти исключено. Легче попасть в балкон при бомбежке высокого здания, нежели угодить в крохотную пулеметную ячейку, открытую на самом краю обрыва.

Другое дело зенитчики — этим достанется. И Лепешев ничем помочь им не может.

Первыми открывают огонь орудия и минометы. После пристрелки на хуторок обрушивается короткий огневой налет. Как только стрельба прекращается и пыльное облако, поднятое взрывами, рассеивается, «юнкеры» устремляются к земле.

Лепешев во время бомбежки отсиживается в блиндаже. Там тесно. На патронных ящиках сидят телефонисты, командир танка, Каллимуллин, Глинин и бронейщик Ильиных. Прислушиваясь к грохоту бомбовых взрывов, от которых ходуном ходит земля, они изредка перебрасываются короткими возгласами и поглядывают вверх, на подрагивающее над головами перекрытие.

— Пожалуй, полусотка прямым попаданием проломит, — безмятежно говорит Каллимуллин. — Как вы думаете?

Юные телефонисты зябко ежатся и подаются в угол.

— Пожалуй,— соглашается Ильиных и почему-то любопытствует: — Интересно, какая тут высота? — Он встает, старается достать рукой кирпичный потолок.

Близкий оглушительный взрыв сотрясает блиндаж. Не удержавшись на ногах, бронебойщик падает. Сваливаются с ящиков и телефонисты. Из входа и амбразуры в темную подземную конуру врываются клубы пыли. Блиндаж окутывается душными сумерками. Чернобровый телефонист бросается к выходу. Лепешев успевает ухватить его за гимнастерку.

— Без паники, Сергеев,— спокойно говорит он.— Нас и стокилограммовая не возьмет.

Глинин стряхивает с плеч и пилотки пыль, включает мотоциклетную фару. Помещение заливает яркий, слепящий свет. Телефонист Сергеев возвращается на свое место. Всем становится весело. Лишь Глинин бесстрастен.

— В этом доте я могу воевать хоть сто лет! — бешабно заявляет Каллимуллин и заваливается на лепешевскую лежанку.

Глинин сосредоточенно прислушивается к грому бомбежки, потом неторопливо направляется из блиндажа.

— Ты что, ошалел? — изумляется Ильиных.

Лепешев молчит. Он знает: бирюка никакими уговорами не остановишь, а приказывать ему не хочется. К тому же лейтенант и сам слышит, что бомбы рвутся уже где-то в стороне. Значит, до выхода на цель очередного пикировщика будет какая-то пауза.

Когда близкий взрыв снова сотрясает блиндаж, появляется Глинин. Он садится на ящик и угрюмо крутит козью ножку.

— Ну, как там? — не выдерживает Ильиных.

— Один зенитный... — Боец вяло машет рукой, и всем ясно, что он хочет этим сказать.

Все долго молчат.

— А т-танк... Танк цел? — спрашивает старший лейтенант.

Глинин кивает.

— А мои пушечки?

— Одна на боку.

— У-у, собаки! — Каллимуллин вскакивает с лежанки, но бронебойщик преграждает ему путь к выходу.

— Не надо, товарищ младший лейтенант! Сейчас ничего не сделать.

А Лепешева беспокоит другое: когда пойдут в атаку немецкие танки? Разумеется, пока «козлы» не отбомбятся, они будут прятаться за садами. А потом? Пойдут под прикрытием артиллерийского огня? Едва ли. Опасно. Пока будут бить гаубицы, бояться атаки не следует. Артиллерийские позиции слишком далеко, рассеяние снарядов велико...

Лепешев придвигается к амбразуре и смотрит в бинокль. Сквозь завесу взрывов и облака пыли старается разглядеть, что делается в степи. Наконец это ему удается. В образовавшемся просвете видны артиллерийские позиции. Гаубицы на том же месте, далеко в степи. Теперь все ясно.

Едва Лепешев успевает опуститься на патронный ящик, как над его головой, чиркнув по краю амбразуры, пронесится огромный осколок. Его жутковатое жужжание заставляет всех вздрогнуть. Осколок врежется в стену, отвалив добрую лопату земли.

Глинин встает, берет с дощатого столика телефонистов фляжку с водой. Выковыряв осколок палочкой, поливает водой. Зазубренный кусок металла шипит, чернеет. Глинин так же неторопливо кладет фляжку на место и садится.

— Бери, полюбуйся, — говорит Лепешеву Каллимуллин. — Это твой. Обманул ты его.

Лепешев берет все еще горячий тяжелый осколок и взвешивает в руке. Несмотря на всю привычность случившегося, ему кажется странным, что вот этот обработанный человеческими руками, а потом этими же руками взорванный обломок стали должен был навсегда вычеркнуть его из жизни. Зачем? Почему? Кому помешал свердловский парень Колька Лепешев, чтобы где-то на немецкой земле добывали руду, плавили сталь, обрабатывали ее, начинали взрывчаткой, потом везли через пол-Европы и наконец сбросили на небольшой мысок у Северного Донца, стараясь убить его, Кольку, который за всю довоенную жизнь не сделал зла ни одному самому распаршивому немцу?

И еще одного не может понять лейтенант Лепешев. Зачем немцы бросили сюда такие большие силы? Зачем, несмотря на внушительные потери, они так упорно атакуют небольшую группу советских солдат, занимающих клочок земли на правом берегу реки? Ведь переправы нет. Немцы не могут не понимать, что эти солдаты рано или поздно сами покинут изрытую воронками кручу.

Лепешев еще не знает, что обороняемый его истерзанной дивизией участок Северного Донца заранее избран фашистским командованием для прорыва на Сталинград и Северный Кавказ. Он не знает, что принесет лето 1942 года его народу. Не знает он и того, что несколько лишних часов упорной обороны у этого хуторка заставят немецкое командование перенести направление главного удара в другое место. Вот через несколько часов, когда будет заходить солнце и в штабе 6-й немецкой армии узнают, что плацдарм у бывшей переправы еще не ликвидирован, там примут это решение, которое оставит в живых и его, Лепешева, и всех раненых, и многих бойцов и командиров его дивизии.

Сейчас Лепешев этого не знает и потому не понимает упрямства противника, без какой-либо существенной нужды бросающего на смерть и уничтожение солдат и технику, которые он как нужны ему на любом другом участке огромного фронта.

— Гаубицы! — Каллимуллин бросается к стереотрубе.

Лепешев прислушивается. Рев бомбардировщиков слабеет. А в вибрирующем воздухе слышны глуховатые всплески орудийных выстрелов.

Все идет как надо. Лепешев растягивается на лежанке, достает из валяющегося там каллимуллинского портсигара сигарету, закуривает. Теперь важно не прозевать окончание артиллерийской подготовки, чтобы успеть дать команду бойцам, которые должны быстро занять окопы. Немецкие танкисты, разумеется, медлить не станут, сразу рванутся к хуторку. На противотанковые мины после такой плотной бомбежки рассчитывать не приходится. Большинство, если не все, сдетонировало.

Лепешев до малейших деталей обдумывает свои

предстоящие действия и поглядывает на часы. Немцы 1942 года пока что мало отличаются от немцев 1941-го. Они будут вести огонь или 15, или 30, или 45, или 60 минут. Немецкая аккуратность. Много прольется немецкой крови, пока они изменят своим привычкам.

Пятнадцать минут проходит. Артиллерия продолжает обстреливать конюшню и развалины. Лепешев закуривает вторую сигарету. На всякий случай вынимает из нагрудного кармана свисток.

Медленно ползет минутная стрелка. Лепешев смотрит на нее и думает о том, что, может быть, вот это маленькое, в три пятиминутных деления, расстояние на циферблате, которое стрелка должна проползти, измеряет остаток жизни, отведенной ему военной судьбой.

Громовой взрыв и всплеск пламени перед амбразурой швыряет всех находящихся в блиндаже на глинистый пол. Лепешев скатывается с лежанки. С визгом проносятся над головой осколки и врезаются в земляную стену. Падает стереотруба. На свалившихся в кучу людей сыплотся обломки кирпича. Блиндаж заволачивается пылью, угарным запахом взрывчатки.

Первым приходит в себя Лепешев. Он садится на плащ-палатку и, встряхивая головой, глядит, как в помутившемся свете фары копошатся на полу остальные. Они оглушены сильнее лейтенанта (сидели выше и ближе к амбразуре) и потому дольше не могут прийти в себя.

Лейтенант протягивает руку, помогает подняться Глинину. Тот в свою очередь помогает другим. Через несколько минут слышатся первые неуверенные смешки и взаимные подначки. Это уже нервы. Бывалым людям, на которых внезапно дохнула смерть, не остается ничего другого, как смешком и подначкой замаскировать свое глубокое потрясение.

— Т-ты за что меня б-боднул, м-молодой человек? — обращается танкист к чернобровому телефонисту Сергееву.

Молодой боец растерянно моргает длинными ресницами и не может произнести ни слова. Его товарищ тоже бледен, растерян.

Каллимуллин хлопает себя по карманам, строго спрашивает:

— Портсигар куда-то пропал... Ты его, случаем, не проглотил?

Сергеев продолжает моргать.

Командиры и Ильиных хохочут.

А Лепешев опять смотрит на часы и думает, что, если бы не Глинин, едва ли кто-нибудь хохотал сейчас здесь. Это бирюк заставил отчаянно ругавшихся телефонистов дополнительно углубить блиндаж, оставив лишь узкую земляную приступку у амбразуры. Это он так рассчитал наклон и ширину амбразуры, что залетающие осколки не рикошетят о кирпичное перекрытие, а вгрызаются в мягкие земляные стены. Глинину, этому молчуну, обязаны все сидящие здесь. Но они не обращают внимания на помкомвзвода, смеются над юными телефонистами, которые наконец-таки начинают улыбаться. Да Глинину и не нужно их внимание. Он с обычным хмуро-бесстрастным выражением на лице набирает полный рот воды и сбрызгивает пол, как женщины сбрызгивают перед утюжкой пересохшее белье. Сбрызгивает раз, затем другой. Пыль оседает, воздух в блиндаже свежеет.

Лепешев смотрит на часы. Скоро полчетвертого. Надо готовиться. Он встает, одергивает гимнастерку, сует в губы свисток. В блиндаже становится тихо. Поднимается Каллимуллин, поднимаются танкист и Ильиных. Они не смотрят друг на друга, лица их серьезные, сосредоточенные. Сейчас начнется бой, и в этом бою у каждого свои обязанности.

Лепешев смотрит на часы, не слухом, а каким-то шестым чувством угадывает, что гаубицы дали последний залп. Он стремительно выбегает из блиндажа и дает долгий, протяжный свисток.

В здание конюшни вбегают бойцы. Они прыгают в полуобвалившиеся траншеи и где бегом, где ползком пробираются по ним к своим стрелковым ячейкам.

Когда все на своих местах, Лепешев позволяет себе оглядеться. В здании хаос. Одна из противотанковых пушек лежит на боку. Передняя стена стала на четверть ниже, а кое-где вообще разрушена почти до

фундамента. Между стенами несколько глубоких воронок.

Но Лепешева не огорчают причиненные бомбежкой и обстрелом разрушения и потери. Он радуется, что догадался отправить бойцов в укрытие, и в который раз говорит себе: если воевать с умом, то немец не страшен со всей его многочисленной техникой.

Грохот и лязганье заставляют лейтенанта забыть обо всем. Он бросается к ближайшему пролому в стене.

По обеим дорогам, набирая скорость, ползут из-за деревьев танки. За ними вплотную следует пехота.

На позиции тихо. Теперь дело за Лепешевым. Все ждут его команду.

Лейтенант выжидает. Он ждет, когда танковые колонны начнут втягиваться в хуторские улочки, когда основные силы следующей за ними пехоты вывалит из-за деревьев.

Из развалин начинает бить по пехоте пулемет. Он одинок, сиротлив, этот дробный стук в нарастающем реве и лязганье танков. Танки с ходу открывают пушечный и пулеметный огонь по развалинам. Будто подхлестнутые тьяканьем пушек, быстрее бегут солдаты, новые группы их появляются из-за деревьев, и вот уже по всей ширине садов, от берега до берега, катятся к развалинам волны серо-зеленых мундиров.

Пора. Лепешев дает сигнал.

В который уже раз содрогается мыс, встречая свинцом и сталью наступающего противника.

Лепешев кладет свисток в нагрудный карман, берет на изготовку автомат. Теперь все зависит от его бойцов. В действие вступил ПЛАН, и лейтенант бессилен что-либо изменить в стихии разыгравшегося боя. Теперь он такой же рядовой стрелок, как и другие.

Танки идут. Выбив огромный сноп искр, рикошетом ударяет в башню головной машины снаряд. Ответно ухают танковые пушки. Взрывы гремят где-то невдалеке от Лепешева. Вздрагивает стена, роняя на пилотку лейтенанта мелкую крошку. Он машинально прячет голову, а когда поднимает ее, видит, как из развалин встает во весь рост красноармеец и, тяжело взмахнув рукой, швыряет под гусеницу передового

танка массивную связку гранат. Яркая вспышка. Летят в стороны комья земли и железа. Танк дергается, оседает на правый борт и замирает на краю улочки. Раскинув руки, красноармеец лежит плашмя поверх саманных обломков и не двигается.

Злобно бьет по конюшне пулемет замершей машины. Пули шелкают по стене. Второй танк притаился за головным, из пушки вырывается бледный язычок пламени. Вздрагивают стены, снова осыпает плечи и натянутую на уши пилотку Лепешева мелкой крошкой. В конюшне кто-то стонущо кричит.

Короткий хлопок противотанкового ружья. Тотчас ухаает «сорокапятка». Сизый дымок вырывается из-под жалюзи второго танка. Он вдруг взывает и, обогнув флагманскую машину, на максимальной скорости мчится к траншее. Навстречу ему летят связки гранат, но дымящаяся громадина не прекращает свой бег. Она наползает на траншею рядом с остовом сгоревшего накануне бронетранспортера, переползает ее и начинает разворачиваться.

«Будет утюжить!» — У Лепешева холодеет спина. Он отцепляет от ремня противотанковую гранату и, пригнувшись, бежит к краю здания.

Гулкий взрыв. Волна горячего воздуха опрокидывает Лепешева. Над ним жужжат осколки. Переждав немного, лейтенант очумело подымает голову. Танк полыхает. Сорванная взорвавшимися боеприпасами, башня валяется за траншеей. Лепешев бежит назад, к брошенному у пролома автомату.

Флагманская машина тоже горит, но мимо нее проползают еще три танка. Они петляют по узкой улочке среди развалин, из которых уже никто не встречает их гранатами. Вслед за танками перебежками продвигается пехота. Ее косит кинжальный пулеметный огонь, но из садов, со штыками наперевес, высыпают новые группы орущих пьяных солдат. Серо-зеленые мундиры захлестывают развалины. То там, то здесь между остовами разрушенных мазанок закипает схватка. Уцелевшие защитники промежуточной позиции дорогой ценой отдают свои жизни.

Стреляет и сам лейтенант. Он посылает очередь за очередью, и там, где проходят его свинцовые строчки, остаются замершие человеческие фигуры.

Вдруг происходит неожиданное. Под одним из танков, идущих правой улицей, внезапно взбухает облако пыли. Танк подпрыгивает, затем кренится и медленно сползает в огромную воронку. Он лежит на боку, и с ленивца, поблескивая траками, сползает перебитая гусеница. Одна из мин «теллер» все-таки сработала! Слышатся хлопки противотанкового ружья. Ильиных всаживает в обнажившееся броневое брюхо несколько смертельных зарядов.

Идущие сзади танки резко тормозят. Они пробуют развернуться, чтобы обойти воронку. Это их последний маневр. Гремит несколько выстрелов каллимуллинской противотанковой пушки, и танки замирают среди улицы. У одного разворочен бок, другой горит.

Пулеметный огонь обороняющихся продолжает косить пехоту. Редеют ряды орущих солдат. Остатки хмеля выветриваются из гитлеровцев, когда последний их танк останавливается, выбросив в небо черный стяг дыма. Несмотря на истеричные призывы офицеров и унтер-офицеров, они залегают, прячутся за развалины.

Вчерашнее повторяется. Лепешев чувствует, что сейчас никакая сила не поднимет фашистов с горячей, пахнущей порохом земли. Теперь можно получше рассмотреть, что творится слева.

Слева дела у немцев еще хуже. Там они не прошли и половины хуторка. Командир КВ хоть и нервишки порой унять не может, но стрелять, оказывается, умеет. Три танка Т-IV, уткнув хоботы пушек вниз, мертвыми коробками торчат среди развалин. За танками прячутся немецкие солдаты. По ним короткими очередями бьет тот самый одиночный пулемет, что первый встретил огнем бросившихся на штурм немцев.

Лепешев откладывает автомат в сторону. Берется за бинокль, старается рассмотреть отважного пулеметчика. Но ничего не видно, лишь две пилотки да щиток «максима» выхватывают линзы бинокля из обломков большого дома. Значит, пулеметчиков двое.

Лепешев опускает бинокль. Этих он должен спасти. Он не знает еще, как это сделать, но знает, что должен. И выручать пулеметчиков надо сейчас, пока немцы не пришли в себя, пока они инстинктивно жмутся к земле.

Невдалеке по залегшему противнику стреляет Глинин. Патронов у помкомвзвода теперь достаточно, и он щедро хлещет длинными очередями по копошащимся в пыли мундирам. Лицо при этом у бирюка такое, что у лейтенанта пропадает всякая охота подходить к нему. И злости, и угрюмости, и жестокого удовлетворения — всего в достатке на лице Глинина.

Все же Лепешев заставляет себя подбежать к помкомвзвода. Трогает его за плечо.

Глинин сразу прекращает стрельбу, поворачивает голову, вопросительно, недовольно смотрит на лейтенанта.

— Посмотри. Видишь пулеметчиков, вон там, слева? — Лепешев подает ему бинокль.

Глинин смотрит в сторону развалин. Потом возвращает бинокль, кивает.

— Их надо выручить.

Глинин снова кивает.

— Мы прикроем огнем. Как думаешь, кого можно к ним послать?

Боец поворачивается к пролому в стене, долго разглядывает подходы к остову разрушенного дома. Наконец говорит буднично:

— Я пойду.

Лепешев не удивляется и не возражает. Он знал, что скажет Глинин, как знает и то, что никто лучше его не сделает дело.

— Готовься! — говорит лейтенант и, пригнувшись, бежит к танку. Глинин следует за ним. Пробегая мимо артиллеристов, они приостанавливаются. У стены лежат три трупа. Лица бойцов прикрыты пилотками. Четвертый лежит на шинели в стороне и громко стонет. У Каллимуллина на голове чалма из марли, он восково-бледен, но пробует улыбнуться Лепешеву. Лейтенанту расспрашивать недосуг, он машет рукой, чтобы раненого снесли вниз, и бежит дальше.

Командир танка понимает Лепешева сразу.

— Все семь осколочных целы! — кричит он из полуоткрытого люка. — Ладно. Пусть т-только поп-пробуют загавкать — заткнем г-глотку мигом!

— Добро. — Лейтенант оглядывается на Глинина. Тот по-обычному хмур, но спокоен. Видимо, ничуть не сомневается: если немцы заметят его и откроют

пулеметный огонь из садов, танковая пушка быстро заставит их замолчать.

Из пулеметной башни выскальзывает танкист с лопаткой, начинает торопливо скидывать землю с края котлована — расчищает сектор обзора. Лепешев одобрительно крикает: к основным средствам, которые будут прикрывать Глинина, прибавляется и танковый пулемет.

— Ну...

Глинин не любит церемоний. Не дожидаясь, что еще скажет лейтенант, он одергивает гимнастерку и идет в траншею. Лепешев провожает его взглядом. Вот так спокойно и буднично пойти на рискованное дело может только его помкомвзвода.

Лейтенант бежит в конюшню и пристраивается возле МГ-34. Все так же неистово бьют по залегшей в развалинах пехоте пулеметы и автоматы. Но Лепешев чувствует то напряжение, которое появилось в шуме боя. Он чувствует, что кроме него еще несколько десятков глаз тревожно глядят туда, где должна появиться фигура ползущего бойца.

И Глинин появляется. Он змеей скользит от воронки к воронке, сноровисто огибает глыбы саманных стен и не задерживается нигде, чтобы отдохнуть. В гуле выстрелов появляется новый голос. Лепешев напрягается, изготавливается к стрельбе. Но нет, это не немцы. Это нервной скороговоркой заговорил танковый пулемет. Лепешев с облегчением вздыхает. Глинин уже подползает к развалинам, в которых виднеются две пилотки и щиток «максима». Еще минута — и он исчезает, растворяется среди рухнувших стен.

Теперь Лепешев ждет главного. Он пристально вглядывается в обломки дома. Секунду за секундой отмеряет свой бег время. Никого не видно. От напряжения у лейтенанта начинает болеть шея.

Наконец они появляются. Впереди ползут пулеметчики, они волокут на шинели кого-то третьего. За ними — Глинин. Бирюк верен себе. Он тащит пулемет и патронную коробку. Нет чтобы вывести «максим» из строя, подхватить раненого втроем и быстро возвратиться к своим — жадничает! Эта жадность всем четверым может стоить жизни.

Где-то на середине пути между развалинами и траншеями, будто угадав мысли Лепешева, начинает стрелять по ползущим красноармейцам немецкий пулемет. К нему присоединяется другой. Пыльные фонтанчики вскипают рядом с Глининым. Тот, не ускоряя движений, сползает в воронку.

Без команды все пулеметы обороняющихся переносят огонь на опушку сада, где мелькают вспышки выстрелов. Ухает танковая пушка. Взрыв. Вверх летят комья земли, куски дерева.

Лепешев не стреляет. Он внимательно глядит на развалины, готовый в любое мгновение нажать на спусковой крючок, если появится где-нибудь ствол винтовки или автомат. Но они не появляются. Лейтенант косится налево. Пулеметчиков уже не видно, — видимо, подползли к траншее. А это что? Лепешев таращит глаза, ругается.

Это уже мальчишество. Установив «максим» на краю воронки, Глинин бьет короткими очередями по саду. Лейтенант вскакивает, ноги сами собой несут его на другое крыло здания.

— Глинин! Сейчас же в расположение! — во всю мочь кричит он.

Боец не слышит. Лейтенант выдергивает из кармана свисток, свистит, раздувая щеки. Глинин наконец-таки оглядывается. Лепешев грозит ему кулаком, показывает жестаи, чтобы шел в укрытие. Глинин кивает, достреливает ленту и неторопливо подымается. Он даже не пробует маскироваться. Идет во весь рост, таща по изрытой, перепаханной взрывами земле тяжелый «максим».

— Ну, погоди! Я тебе покажу! — бормочет Лепешев, когда помкомвзвода спрыгивает в траншею, и еще раз грозит ему кулаком. — Я тебе такой фитиль вкачу... — Наказывать бирюка Лепешев, конечно, не собирается. Ругается от облегчения.

11

Под вечер в блиндаже Лепешева неожиданно появляется генерал Федотов. В это время лейтенант с Глининым наблюдали за развалинами. Там беспокойно. Слышится звяканье лопат. То и дело гремят вин-

тоточные выстрелы, короткие пулеметные очереди. Немцы пришли в себя. Они — не в пример вчерашним автоматчикам, — очевидно, не собираются отступить в сады, прицельным огнем держат обороняющихся в постоянном напряжении.

— Беспокоят?

Лепешев оборачивается.

Увидев генерала, вытягивается, вскидывает руку к пилотке.

— Не надо никаких докладов, — опережает Федотов. — И так все ясно. Агрессивно себя ведут?

— Так точно, агрессивно.

— Ну, присаживайтесь, поговорим.

Глинин бочком направляется к выходу.

— А-а! — весело произносит генерал. — Это и есть наш геройский помкомвзвода?

— Так точно.

— Красноармеец Глинин! — Боец по-уставному козыряет, щелкает каблуками.

— Весьма приятно видеть вас живым и невредимым, красноармеец Глинин, — продолжает улыбаться Федотов. — Опять спешите, опять дела?

— Так точно.

— Ну что ж... — Генерал смотрит на Глинина, вдруг перестает улыбаться, замирает на какое-то мгновение. — Что за фантазмагория... — Он делает быстрый шаг к бойцу, пристально глядит ему в лицо. — Василий Степанович?! Да как... как вы...

Что-то дрогнуло в лице Глинина, он расслабляется, но тут же спохватывается, сжимает пальцы, хмурится, лицо принимает обычное непроницаемое выражение.

Лепешев с изумлением смотрит на своего помощника — он прекрасно знает, что зовут того Иваном Ивановичем.

— Как же это, Василий Степанович?... — Генерал изумлен и растерян еще больше Лепешева. — А я считал вас...

— Извините, товарищ генерал, меня зовут Иван Иванович, — хрипло говорит Глинин. — С кем-то путаете.

— Путаю? — Федотов беспомощно оглядывается на Лепешева.

— Имя-отчество красноармейца Глинина действительно Иван Иванович, — подтверждает лейтенант.

— Хм... Вот как!.. Поразительное сходство. Уму непостижимо!

— Разрешите идти, товарищ генерал?

— Что ж... коль так... Идите, красноармеец Глинин.

Четкий поворот на этот раз у Глинина не получается. Он стучается локтем о стену, оступается, машет рукой и, ссутулившись, уходит из блиндажа.

— Вот так дела!.. — Генерал садится на ящик, закуривает, угощает Лепешева. — Бывает же такое сходство...

— Кого он вам напомнил? — интересуется лейтенант.

— Да так... Давнее. Одного человека... — Федотов задумывается, забывает о папиросе, которая дымится у него меж пальцев.

Лепешеву неудобно садиться в его присутствии, он продолжает стоять, смотрит на размышляющего генерала. Ночью он показался лейтенанту старым, очень больным, и сейчас Лепешев удивляется метаморфозе, происшедшей с ним при дневном свете. Лицо у Федотова молодое, лишь сильно утомленное, ему не больше сорока — в светлых волосах ни сединки.

— М-да... — Генерал встряхивается. — Время идет... Так, говорите, агрессивно себя ведут?

— Агрессивно. Очевидно, сосредоточиваются в крайних развалинах. Готовятся к броску. Во всяком случае, стараются трепать нам нервы, держать в напряжении.

— Понятно. Подхода подкреплений не наблюдалось?

— Не наблюдалось. Наоборот. Артиллерию отсюда противник снял. Часть минометов тоже.

— Говорите, снял?

— Да. Колонна ушла на север.

— Вот как... — Федотов морщит лоб, что-то обдумывая. — Большие потери за день?

— Пять убитых, семнадцать раненых. В основном от огня танков.

— Очень удачно. Вы правильно сделали, что на время бомбежки и обстрела вывели людей с пози-

ции,— хвалит генерал.— У нас на реке потерь было гораздо больше. Потрепали «юнкеры» наш «флот» прилично...— Он усмехается.— Остались понтон и три плота. Ну да на вас хватит.

— Хватит,— соглашается Лепешев.

Снаружи доносится несколько винтовочных выстрелов.

— Они хулиганят?

— Они.

— М-да... А я пришел проститься с вами, лейтенант. Когда еще придется увидиться... не знаю.

— На том берегу встретимся.

— Едва ли...— Выражение лица Федотова становится озабоченным.— Я тоже так думал, но... человек предполагает, а война располагает. Нам приказано занять оборону в другом месте. Наверное, там, куда ушла немецкая артиллерия. Люди даже не успели отдохнуть.

— Плохо.

— Да, плохо, лейтенант. При этом я должен забрать у вас своих людей: и артиллеристов, и танкистов, и телефонистов. И пушку заберем.

— Так.— Лепешеву новость не нравится.

— Сколько у вас останется своих людей?

— Тридцать четыре. Без меня.

— Н-да.. Не густо. Нехорошо оставлять вас тут одних, но приказ есть приказ. Через полтора часа за нашими людьми придут плоты. Побеспокойтесь о прикрытии с реки.— Генерал вздыхает, смотрит на Лепешева грустно.— Полковник Савеленко обо всем знает. Он просил передать, что с наступлением темноты переправитесь и вы. За вами приплывут. Сигнализация прежняя.

С немецкой стороны опять гремит несколько выстрелов, потом длинно стучит пулемет.

— Товарищ генерал!— Лепешеву только сейчас приходит в голову простая, но полезная мысль.— За эти полтора часа вы позволите нам израсходовать весь боезапас пушки и танка?

— Пожалуйста.— Федотов внимательно смотрит на лейтенанта.— Можете расходовать. Правильно. Это единственное, чем мы можем еще помочь вам.— Федотов встает, протягивает руку.— Ну, прощайте, Лепе-

шев. Желаю вам удачи. Если случится, что вам будет нужна помощь и я смогу ее оказать — обращайтесь. Хоть письменно, хоть лично. Я ваш должник.

— Спасибо, товарищ генерал, обращусь.

Генерал еще раз жмет Лепешеву руку и уходит.

В здании конюшни пусто. Это уже не здание, а просто захламленный, заваленный кучами земли и щебня коридор между двумя щербатыми, зазубренными стенами. Да и стенами их назвать трудно. Если задняя еще как-то соответствует своему названию, то передняя настолько низка и так издырявлена, что кажется Лепешеву кирпичным решетом.

Пусто, тихо, как на кладбище. Все сидят в укрытиях. Но нет, за задней стеной у дверного проема кто-то разговаривает. Лепешев делает несколько шагов в сторону разговаривающих и замирает.

Разговаривают Глинин и генерал Федотов.

— Но как же... как же, Василий Степанович, вы оказались в таком положении?— Голос Федотова взволнован.— Я считал... Нам сказали, что вас...

— Правильно сказали,— грустно откликается Глинин.— И считали вы правильно...— Он вздыхает. Это так не похоже на бирюка и говорит он таким тоскливым, не глининским голосом, что у Лепешева что-то сжимается внутри.

— Но все же, что с вами произошло? Почему вы оказались в таком положении?— Голос Федотова подрагивает от трудно сдерживаемой жалости.— Может быть, я могу чем-то помочь?

— Ничем вы помочь мне не сможете,— так же грустно говорит Глинин.— И вообще, Игорь Всеволодович... вам не надо знать, что со мной произошло. Ничего не надо знать.

— Как так? Подумайте, что вы говорите! Я не могу вас оставить в столь несоответствующем положении!.. Я...

— Да. Не надо,— уже тверже повторяет Глинин.— Мне уже ничто и никто не поможет. И запомните, Игорь Всеволодович: вы не только ничего не знаете, но и не видели.

— Как так?

— Да. Вы меня не встречали, Игорь Всеволодович. Никому об этой встрече не говорите. Это нужно не столько для меня, сколько для вас.

Лепешев ошеломленно топчется на месте и не знает, как поступить. Он чувствует, что стоять вот так и быть невольным свидетелем чужого, в чем-то очень важного признания нехорошо, но и уйти нельзя. Услышат шаги — могут подумать, что он специально подслушивал. Если же увидят его стоящим здесь...

— Я не могу так, Василий Степанович! — растерянно возражает Федотов. За кого вы меня принимаете? Вы же прекрасно знаете, как я...

— Полноте, Игорь Всеволодович, — перебивает его Глинин. — Не надо. Я знал и знаю, что вы всегда были хорошим товарищем и настоящим коммунистом. Я верю вам. Но ради вас самого прошу. Вы меня не встречали и ничего обо мне не знаете. Ради ваших, ради Марии Петровны, Нади, Вовика и Светланки, прошу вас об этом. Ну, как бывший ваш товарищ, бывший коллега и командир прошу. Ну, приказываю, что ли, черт возьми! — Глинин долго и глухо кашляет.

Этот кашель и знакомая злость, появившаяся в голосе Глинина, отрезвляют Лепешева. Он поворачивается и медленно идет назад к блиндажу. Из-за кучи щебня его неожиданно окликают Ильиных. Броневойщик выглядывает из окопчика, но, несмотря на весь его великий рост, снаружи видна лишь пилотка — столько обломков навалено вокруг.

Лепешев лезет на кучу кирпичного щебня, заглядывает вниз. В углу окопчика дремлет Степанов. Заряженное ружье изготовлено к бою, глядит в амбразуру. Сталевар, как всегда, «на товсь», хотя танков нет и уже наверняка не будет.

— Покушать не желаете? — спрашивает Ильиных, подкидывая на руке банку свиной тушенки. — Не стесняйтесь. У нас с Егорычем есть припас. А то сегодня рыбные дали...

— Давай закусим, — соглашается Лепешев, садясь на кирпичи.

Ильиных открывает банку, подает ее вместе с большим ломтем зачерствевшего армейского хлеба. Лейтенант с жадностью принимается за еду. Он мо-

лод, здоров и еще не умеет есть неторопко, размеренно, как это делают познавшие голодные времена старики. Быстро исчезает хлеб, пустеет банка.

В конюшне появляется Глинин. Он подходит к окопчику броневойщиков и садится рядом с Лепешевым. Лицо бойца обычно, никаких признаков только что состоявшегося тяжелого разговора, разве чуть больше угрюмости.

— Желаете, Иваныч? — Ильиных извлекает из ниши еще одну банку консервов.

Глинин отрицательно качает головой. Лепешеву почему-то становится не по себе. Он не знает, как теперь держать себя с этим замкнутым пожилым человеком, который — уж теперь-то лейтенанту понятно — был когда-то выше его, Лепешева, и по званию, и по должности.

— Ты вот что, — говорит лейтенант броневойщику, отшвырнув в сторону пустую банку, — буди Степанова и наблюдайте за противником.

Лепешев направляется к противотанковой пушке. Глинин молчаливо следует за ним. Артиллеристы спят во вновь открытых щелях. Они недавно похоронили трех своих товарищей, и все равно горевать им некогда. Усталость и бессонница взяли свое. Каллимуллин тоже спит, прислонившись забинтованной головой к сыровой земле. Лепешеву жаль будить его — такое измученное, бледное, осунувшееся лицо у младшего лейтенанта.

— Позовите сюда командира танка, — просит Лепешев Глинина.

Боец не изменяет своим привычкам — кивает и тотчас уходит.

Лепешев присаживается на пустой снарядный ящик и смотрит на спящих студентов-артиллеристов. Хотя они почти сверстники ему, всего на каких-то два-три года моложе, лейтенант испытывает к этим сладко спящим парням что-то похожее на отцовское чувство. Вот такие же ребята вынесли его из окружения тридцатью километрами южнее печально известного города Лохвицы, где замкнулись немецкие клещи вокруг киевской группировки. Сегодня троих

из них не стало. И еще один едва ли выживет, хоть и передан был в руки медиков сразу после окончания боя.

Лепешеву вдруг вспоминаются те трое пулеметчиков, которых выручил Глинин. Лейтенант так и не успел пожать им руки. Они ушли вниз закопченные, усталые, но все равно юные, несмотря на старящий пороховой грим. Лепешев успел лишь мельком взглянуть на них издали. Те двое, что стреляли, сначала снесли к реке раненого товарища, потом вернулись и забрали свой «максим». Ушли навсегда из жизни лейтенанта стойкие парни, и, приведись в будущем встретиться, Лепешев не узнает их. Будет знакомиться заново, будет гадать: каковы в боевом деле эти солдаты?

Лепешев смотрит на спящих артиллеристов и в который уж раз ругает себя за то, что мало интересуется людьми, с которыми повседневно сталкивает его военная судьба. Сколько их промелькнуло перед ним за последний год! И смелых, и трусливых, и умных, и хитрых — всяких. А спроси Лепешева, что он о них знает, — сказать ему нечего. Ни черта не знает! Кто такой Каллимуллин? Ну Мидхат-Миша, ну младший лейтенант, ну татарин. А откуда, чем жил, о чем горюет? Веселый, смелый человек — вот и все, что знает о нем Лепешев. Да что говорить, собственного помкомвзвода понять не смог!

Хотя нет. Глинина он все же понял. Если и не до конца, то все же чувствовал, что человек это незаурядный, что носит он на душе такое, чего не сможет носить долго всякий другой человек. Что-то ужасное пережил мрачный, но несломленный солдат — Лепешев всегда это чувствовал, хотя и не предполагал того, что случилось сегодня услышать. Глинин, оказывается, вовсе не Глинин — такое трудно представить себе, даже имея богатое воображение. А Лепешев никогда не был фантазером, он привык мыслить реальными категориями. Поэтому лейтенант растерян, не знает, как держать себя с помкомвзвода. Лепешев знает одно: Глинин, хотя он и бирюк и носит чужую фамилию, свой, очень надежный и верный человек. А на остальное наплевать. Сейчас главное — уйти целыми и невредимыми с этого берега, а с Глининым можно

поговорить по душам, когда возникнет у них взаимное желание.

Приняв такое решение, Лепешев успокаивается, лезет в карман за махоркой.

Приходят командир танка и Глинин. Лейтенант знаком просит Глинина разбудить Каллимуллина и тут лишь впервые сознает, что сам он как-то незаметно привык к молчаливому глининскому языку жестов.

Каллимуллин просыпается сразу. Бодро выкарабкивается из щели, щупает голову, затем улыбается:

— Утихла башка!

Лепешев разъясняет свой план. Он хочет обстрелять скопившихся в развалинах гитлеровцев, чтобы те открыли ответный огонь. В это время бронебойщики, артиллеристы и танкисты засекут точки, где противник наиболее активен (ясно, там есть офицеры!). При одной из таких перестрелок Лепешев даст сигнал, и тогда по засеченным целям ударят всеми средствами. Бронебойщики — по правому сектору, артиллеристы — по центральному, танк — по левому. Пулеметы поддержат. И таким образом повторить три раза.

Все согласились, что такая баня заставит залегших гитлеровцев быть осторожнее.

— Ну, тогда за дело! — Лепешев встает. — Делите остаток боезапаса на три порции, действуйте. Времени у нас чуть больше часа. Отстреляемся — будем прощаться.

Выждав время, пока Глинин проинструктирует бойцов, Лепешев устраивается у одного из проломов и начинает выбирать цель. Его внимание привлекает легкое облачко пыли, поднявшееся из-за остова разваленной взрывом печи. Лейтенант прицеливается, выжидает. Предчувствие не обманывает его. Из-за груды закопченного кирпича появляется сначала локоть, потом плечо, а затем и голова в офицерской пилотке. Офицер подносит к глазам бинокль, — видимо, хочет рассмотреть детальнее, что творится за стеной.

Лепешев нажимает на спусковой крючок. Короткая очередь. Рука делает беспомощный взмах, бинокль летит в сторону, пилотка сваливается с бело-

брысой головы, падает на кирпичи. Для пущей надежности Лепешев посылает еще одну очередь в спутанный желтый чуб.

Одновременно грохочут автомат и пулемет. Это Степанов стреляет по правому сектору, а Глинин — по левому.

Из развалин отвечают, Пули щелкают по стене. Лепешев отстраняется от пролома и закуривает французскую сигарету из каллимуллинского портсигара, который все же пришлось взять в подарок от веселого, смелого татарина.

Постреляв несколько минут, немцы утихают. Лепешев неспешно докуривает сигарету и пристраивается к другому пролому. Смотрит. Бинокль и пилотка валяются, а белобрысой головы уже нет — труп оттащили. Лепешев выискивает новую цель. Но она вдруг обнаруживается в том же месте. Чья-то рука тянется к биноклю, который отлетел довольно далеко. За черными кирпичами появляется сгорбленная спина ползущего на четвереньках человека. Это или солдат, или унтер-офицер.

Лепешев усмехается. По исколотым кирпичам попластунски не поползешь — мигом брюхо вспорешь... Выждав, когда ссутуленная спина вылезает из-за обломков особенно высоко, лейтенант стреляет. Мундир исчезает, лишь белеет рука, судорожно вцепившаяся в обломок кирпича. Лепешев ее хорошо видит.

Глинин и Степанов тоже дают по короткой очереди.

Немцы снова отвечают, теперь уже более интенсивной и долгой пальбой. За это время Лепешев успевает сбегать в блиндаж попить воды (после консервов хочется пить), выкурить еще одну сигарету и перекинуться несколькими словами с телефонистами, которые, медленно передвигаясь по конюшне, сматывают телефонный провод.

Третью цель Лепешеву поразить не удастся. Высунувшаяся было из-за груды земли солдатская голова быстро исчезает, и Лепешев с досадой разряжает в эту груду весь диск. Зато немцы отвечают злым шквальным огнем из всех закоулков развалин. Это как раз то, чего добивался лейтенант.

Он переживает, пока немцы немного успокоятся,

и, сменив диск, продолжает игру. Долго выискивает цель. Наконец видит. Откуда-то снизу ползет солдат, тянет за лямки тяжелый ящик с патронами. Ползет осторожно, огибая чистые места. Но Лепешев все же его подкарауливает. Когда солдат почти достигает разбитой печи, лейтенант перерезает его короткой очередью.

Тотчас откликаются Глинин и Степанов.

И снова немцы открывают ожесточенный огонь. Очевидно, они не желают отдавать обороняющимся инициативу в огневом бою. Они хотят диктовать условия сами, им осточертело лежать, вжавшись в землю, и глотать горькую пыль.

Лепешев дает резкий короткий свисток.

Дуплетом гремят выстрелы танка и «сорокапятки». Летят от ближних развалин вверх и в стороны куски кирпича и глинобитных стен. Стучат пулеметы.

Немцы уступать не желают. Снова открывают стрельбу. Это уже не прежний шквальный огонь, но все же достаточно сильный.

Что-то обжигает левое плечо Лепешева, и он едва не теряет равновесие. Падает на кирпичи автомат. Подымать его лейтенанту некогда. Он дает сигнал и снова прикивает к амбразуре.

Несколько минут лавина свинца и стали дробит обгорелые обломки. Особенно мощны взрывы танковых снарядов. Они выбрасывают в небо лохматые султаны земли и мусора, крошат и мельчат развалины. Когда снаряд разносит остатки печи, Лепешев мстительно крикает. Теперь некому будет ползти за патронами — наверняка за остовом разрушенной печи был окоп.

Огонь прекращается. На фланге коротко басит напоследок пулемет сибиряка Максимова, и наступает тишина. Немцы молчат. Лепешев нагибается к упавшему автомату, и резкая боль ударяет в левую руку. Пот выступает на шее. Оружие лейтенант все же поднимает, но стрелять уже не может. Левая рука становится тяжелой, непослушной, из-под рукава стекает на пальцы струйка крови.

— Сильно? — Это спрашивает Глинин. У молчуна чутье на беду, он уже здесь.

— Не знаю. Кость вроде бы не задело... — Лепе-

шев подает помкомвзвода свой автомат. — Ну-ка, пальните по фрицам, да погуще.

Темные глаза Глинина ощупывают побледневшее лицо командира взвода. Он понимает, что спорить или перевязывать рану сейчас не время, вскидывает автомат и через отверстие в стене стреляет в сторону противника. Стреляет до тех пор, пока не кончатся в диске патроны.

Лепешев напряженно прислушивается. Проходит минута, другая. Немцы не отвечают. Лейтенант отирает здоровой рукой кровь, залившую стекло часов, проверяет время.

— Двадцать один тридцать. Точно, как в аптеке. Спектакль окончен... — Он пробует улыбнуться. — Теперь можно дырки разглядывать, бинтоваться, прощаться и всякое прочее.

12

Ночью Лепешев стоит в блиндаже у амбразуры и всматривается в расположение противника. Туго перебинтованная рука болит, но терпимо. Пуля кость не задела, только продырявила плечевую мышцу.

Внизу, в темноте, сидит тот самый младший лейтенант-радиотехник, что прошлой ночью пригонял плоты за лепешевским взводом. Сегодня ему вновь поручили это дело. Сейчас радиотехник нервно ерзает на плащ-палатке, шумно вздыхает и ждет, когда лейтенант даст наконец приказ на эвакуацию.

Лепешев же не торопится. Он ждет повторения ночной атаки. Немцы не спят. В развалинах слышны приглушенные голоса, бряцанье оружия. Очевидно, из садов подошло подкрепление.

Первую атаку немцы предприняли в полночь, как раз тогда, когда за лепешевским взводом вновь пригнали плоты. Готовясь покинуть позицию, бойцы ослабили наблюдение за противником, и это позволило фашистским солдатам подползти на дистанцию гранатного броска. Если бы не бронебойщик Степанов, случайно нажавший на спусковой крючок автомата, неизвестно, чем бы все это кончилось.

Одиночный выстрел, внезапно ухнувший в конюшне, заставил красноармейцев инстинктивно прыгнуть

ся, а нервничавших немцев раньше времени открыть огонь. Сверкнули в ночной темени вспышки выстрелов, разорвали тишину взрывы гранат. И тут же грянуло нарастающее «хо-о-ох!».

Вражескую вылазку все же удалось отбить. Выручили фланговые пулеметы, еще не снятые с огневых точек.

А потом, когда прошло первое замешательство, открыли огонь и остальные.

Сам Лепешев стрелял из пистолета и ранил в плечо и ногу унтер-офицера, неожиданно прыгнувшего из темноты к самой амбразуре блиндажа. Потом, когда противник отхлынул, этого унтера затащили в конюшню и заботливо перевязали. Лежит сейчас увязанный бинтами немец на плоту и ждет отправки в разведотдел дивизии.

— Может, пора, товарищ лейтенант? — подает голос радиотехник. — Скоро светать начнет. Ведь тогда...

— Что тогда? — злым свистящим шепотом спрашивает Лепешев.

— Тогда нам конец. Перебьют всех посреди реки, как утят...

Лепешев не отвечает. Он и сам видит, что затянутое облаками небо начинает сереть, но он зол и расстроен, и робкое напоминание младшего лейтенанта, который вообще-то прав, раздражает его.

Неожиданная ночная вылазка гитлеровцев дорого обошлась взводу. Убит Степанов, убит курский соловей Алеша Крыночкин. Ранены Хасанов и Максимов, лучшие пулеметчики взвода. Даже Глинин на этот раз не уберется. Взрывом гранаты исковеркало у помкомвзвода пулемет, осколком срезало половину уха. Хорошо хоть этим отделался. Могло быть хуже. И на этот раз обошла смерть несчастного, угрюмого бдюка.

— Нельзя больше ждать, — решительнее говорит младший лейтенант. — Скоро три. Всему есть предел.

— Я не хуже вас знаю, когда бывает предел! — злится Лепешев. Сейчас ему ничуть не жаль перепуганного пожилого человека, нервно ерзающего в черной яме блиндажа.

— Но бойцы, приплывшие со мной, могут вернуться на тот берег, — плачуще говорит радиотехник. — Они знают, что должны вернуться в темноте...

— Вернуться? — Лепешев делает шаг в черноту, вытянутой здоровой рукой нащупывает по-мальчишески худое плечо радиотехника. — Вот что, товарищ младший лейтенант... — Голос его звучит громче, Лепешев уже не может сдерживаться. — Они не вернутся без нас. Вы сейчас пойдете к реке с этим автоматом, — он снимает руку с плеча притихшего радиотехника, шарит по лежанке, подает трофейный автомат, отобранный у унтер-офицера. — Пойдете и будете нас ждать. И если хоть один человек попробует ударить отсюда — вы пристрелите его, как предателя. Правом старшего командира на этом рубеже приказываю сделать это!

— Но... как же. Как же...

— Никаких «но»! Выполняйте приказ. И не вздумайте струсить или запаниковать. Если удерете — я найду вас даже на том свете и рассчитаюсь по законам военного времени. Ясно?

— Ясно. Есть выполнять приказ!

Оставшись один, Лепешев опять смотрит в амбразуру. Небо в самом деле начинает сереть. До чего же коротки эти майские ночи! А ведь не майские — июньские. Лепешев только сейчас сознает, что май 1942 года закончился и с полуночи начался июнь. Что-то он готовит самому Лепешеву и всей армии?

Шум и передвижения в развалинах усиливаются. Лейтенант не сомневается: немцы готовятся к повторению атаки. Они обозлены большими потерями и упорством обороняющихся. Конечно, они понимают, что темнота в данном случае — их союзник. Гитлеровцам ничуть не улыбается перспектива атаковать днем, под убийственным прицельным огнем. И Лепешев знает: они повторят атаку. Знает потому, что сам точно так же поступил бы на их месте.

Лейтенант ждет и беспокоится. Беспокоится не от предчувствия близкого боя, а из-за боязни, что противник выберет для удара другое место. Вдруг попробует атаковать еще раз возле реки. А там почти никого нет.

Справа — сержант с двумя автоматчиками, слева — тоже трое.

В блиндаж по-кошачьи тихо входит Глинин. Он поднимается на приступку и встает рядом с лейтенантом у амбразуры. В тусклой полоске света, падающей из амбразуры, Лепешеву хорошо видно его обмотанную бинтом голову.

— Все на огневых? — спрашивает лейтенант.

— Да. — Глинин вздыхает, зачем-то шарит в карманах и неожиданно говорит: — Атаку отобьем — взвод надо переправлять. Другой возможности уже не будет. Немцы не успокоятся, повторят атаку. Им надо выбить нас до рассвета.

— Я тоже так думаю, — соглашается Лепешев.

— Ну, тогда полная ясность. — Глинин ненадолго замолкает, затем хмуро повторяет: — Тогда полная ясность. Отобьем атаку — давайте к реке. Я вас прикрою. Оставьте мне ручной пулемет, несколько заряженных дисков и с десяток гранат.

— Почему именно вы? — вырывается у Лепешева.

— Мне кажется, я лучше любого другого справлюсь с этим делом. Притом я отлично плаваю и ныряю. Долго могу быть под водой.

— Но как же... Как же так, почему вы? Может остаться кто-то другой... — Лепешев бормочет эти слова, хотя сам знает, что надежнее Глинина переправу взвода никто не прикроет.

— Останусь я! — как о чем-то давно решенном говорит Глинин.

Лепешев сжимает здоровой рукой мосластые, грубые пальцы его.

— Послушайте, Иван Иванович... Простите... Василий Степанович... — Волнение, какого Лепешев давно не испытывал, мешает ему говорить. — Не сердитесь, но я сегодня случайно слышал ваш разговор с генералом Федотовым. Я шел к Каллимуллину и...

— Ну и что? — В голосе Глинина ни досады, ни обычной официальности.

— Так вот, Василий Степанович... Я не знаю, что там у вас когда-то произошло, не знаю, почему вы носите чужое имя... Мне на это наплевать! Я знаю главное: вы — наш советский человек, на все сто процентов наш, без всяких скидок. Я вам верю!

— Спасибо, лейтенант. Я знаю, что вы хорошо обо мне думаете.

— И я считаю, Василий Степанович...— Лепешев продолжает тискать пальцы Глинина,— вам надо переправиться. Вы должны обязательно выйти живым из этой войны, вы обязаны доказать... я не знаю кому и что... Но люди должны знать, какой вы есть! Не подумайте, что я перестраховываюсь, боюсь послушаться полковника Савеленко. Для вас, для самого вас сейчас это крайне необходимо!

— При чем тут Савеленко...— досадливо бурчит Глинин.— Он по-своему прав. Я немного погорячился... Не надо было. Полковник и сам понял, что отдал ошибочный приказ. И вообще я ему не завидую... Ему сейчас ой как не сладко.

— Да, не сладко,— соглашается Лепешев, вспомнив, с какой грустью прощался с ним полковник у реки, как ссутулился, шагнув на плот.

— Он неплохой человек, наш комдив. С заскоками, но неплохой,— продолжает Глинин.— Только... только выбрал он себе не ту профессию. Не по призванию. Быть кадровым командиром — тоже нужно иметь призвание. Иначе...

— Вроде бы неплохой,— соглашается Лепешев.— Но... Но тем не менее я обязан завтра доставить вас в штаб дивизии.

— Знаю.— Глинин вздыхает.— Ничего. Я сам точно так же поступил бы на его месте. Ничего... Не такое со мной бывало.

— Но все же...

— Сколько вам лет? — неожиданно теплым голосом спрашивает Глинин.

— Мне? — Лепешев теряется.— Мне... двадцать три.

— А мне сорок шесть...— Лепешеву кажется, что Глинин грустно и задумчиво улыбается в темноте.— Я как раз вдвое старше тебя, Коля...— Это неожиданное «ты» не вызывает в Лепешеве протеста.— И я многое пережил. Четыре войны не в счет.

— Почему четыре?

— Испанскую считаю.— Глинин долго молчит, что-то вспоминая и обдумывая, потом предлагает: — Если тебе это интересно, я могу рассказать об одном

человеке... Тебе первому, может быть — последнему. Мало ли что может случиться...

Лепешев понимает, о каком человеке хочет рассказать Глинин, и еще сильнее стискивает его пальцы.

— Я не считаю это обязательным. Не считаю, Василий Степанович. Но если вы находите нужным, если станет легче...

— Пожалуй. Хочу, чтобы стало легче.— Глинин опять ненадолго замолкает, потом незнакомым, подобревшим голосом рассказывает: — Жил один человек. Воевал в первую мировую прапорщиком, затем всевал в гражданскую командиром полка, комиссаром бригады... В общем, кадровый военный. После победы Советской власти этот военный учился в академиях, командовал бригадой, дивизией. Занимал еще ряд важных армейских должностей. Когда началась гражданская война в Испании, он добровольно поехал туда защищать свободу, бороться с фашизмом. А потом...— Глинин осекается.

— Что потом?

— Потом была финская кампания...

— Ну и что?

Глинин опять долго молчит, размышляя, очевидно, о чем-то трудном и важном.

Лепешеву начинает казаться, что помкомвзвода уже жалеет о своей откровенности, как Глинин вдруг говорит без всякой связи с ранее сказанным:

— Плохо, когда человеку все легко дается. Он рыхолаживается, психологически разоружается, теряет чувство самоконтроля, лишается самого главного, необходимого всякому настоящему человеку,— способности знать себе реальную цену. Во всем. И в деле, и в обыденной жизни, даже в дружбе и любви...— Глинин глухо кашляет, щупает повязку, длинные фразы даются ему трудно.— Мне слишком легко все давалось. Повышение следовало за повышением, среди сослуживцев я считался порядочным человеком, добрым товарищем и способным командиром... В конце концов я сам в это поверил. Без оглядки...

Смутное беспокойство охватывает Лепешева, он сильнее стискивает пальцы помкомвзвода.

— Так вот... Во время одной из операций дивизия, которой я командовал, действовала совместно с

другими соединениями. Взаимодействие в должной степени отработано не было, условия наступления были тяжелыми, — в итоге поставленных задач мы не решили, а соседи понесли потери. И тут в горячке командование обвинило меня и мой штаб в провале операции, все напрасные жертвы отнесло на мой счет. Ты знаешь, как это бывает на фронте.

— Представляю.— Лепешеву вспоминается, как ему самому даже в мелких взводных делах случалось пороть горячку.

— Позже, когда остыли, выяснилось, что ни я, ни мой штаб не виновны, что ошибки и медлительность допустили другие командиры, а в тот момент... Я чувствовал, что сделал все возможное, и потому очень обиделся. Не захотел понять обстановку, не захотел понять состояние других, не захотел подождать. Нагрубил командование, оскорбил некоторых товарищей. Знаешь, конечно, что из этого получается...

— Знаю.

Глинин тяжело вздыхает, заглядывает в амбразуру, и Лепешеву почему-то кажется, что помкомвзвода прычет от него лицо.

— Разгорелся конфликт. Меня откомандировали из действующей армии в наркомат, а там кому-то пришла в голову идея назначить меня начальником тыла одного из военных округов. Как я ни протестовал — приказ есть приказ. Пришлось ехать...

— И справились?

— Куда там...— Глинин безнадежно машет свободной рукой.— Служба тыла — служба сложная, не легкая служба. Без специальной подготовки в ней долго не накомандуешь. Так и случилось со мной. Запутался, нарубал дров...

— Сняли?

— Сам подал рапорт. Уволили в запас. Но этому предшествовало еще кое-что...

— Что именно? — спрашивает Лепешев, чувствуя, что Глинин приблизился к главному.

— Ты любил когда-нибудь? По-настоящему.

Вопрос настолько неожидан, что Лепешев отпускает пальцы собеседника. Помявшись, лейтенант все-таки признается:

— Иллюзия — была. Любви — не было.

— А ко мне, к несчастью, пришло настоящее, — опять вздыхает Глинин. Ему больно говорить — Лепешев остро чувствует это. — Она была врачом в моей дивизии и не ответила взаимностью. Сам понимаешь, как неприятно сорокатрехлетнему холостяку вдруг открыть, что мужскую привлекательность не заменят ни высокое воинское звание, ни высокая должность. О таком раньше не думалось... за ненадобностью. Она напрадалую флиртowała с молодыми лейтенантами, со мной же держалась строго официально, а я не понимал, что это игра, что меня, как это говорится в просторечье... элементарно обрабатывают. Расчетливо, цинично. Под пожилого влюбленного караса подводят надежный сачок... Это я осознал позже, а тогда... Проклятое, дьявольское чувство. Стыдно вспомнить, но она мне снилась, я готов был простить ей все прошлые похождения. И простил, когда она демобилизовалась и неожиданно приехала ко мне. Это было последним шагом к окончательному падению.

— Какому падению?

— Человеческому. На гражданке, учитывая последнюю воинскую должность, мне оказали доверие — назначили заведующим областным торговым отделом. Она не позволила мне отказаться. Я не сумел... — Голос Глинина становится еще глуше от трудно сдерживаемой ненависти. — Проклятое, низкое чувство. Ведь умом я все понимал, а все-таки почему-то поверил ее уверениям в любви. Знал: взаимности нет и не было, — а верил. Она внушила мне иллюзию счастья, внушила, что я — талантливый, чистый и умный — просто-напросто жертва людских интриг, что попросту не умею жить... Да, было так, Коля. Умом верить в одни принципы, а жить по иным, по ее принципам... Проклятое рабское чувство. Ты молодой, чистый, ты не знаешь такого чувства!

— Не знаю, — честно признается Лепешев, наполняясь жалостью к собеседнику. Он старается разглядеть выражение лица Глинина. Но в блиндаже все еще очень темно, хотя в узкую щель амбразуры пробивается мерклая полоска света.

— И не дай бог узнать. Только падшего, разоружившегося человека может одолеть такое чувство.

Я всегда считал себя волевым, честным, а тут... Таскался с ней по портным и вечеринкам. На столе и дома не переводились вина... Все кончилось так, как и должно было кончиться. Когда иссякли холястятские сбережения, она от моего имени назанимала у товарищей. Мне пришлось покрыть долг чести казенными. Рассчитывал вернуть, но в таких случаях всегда бывает ревизия...

У Лепешева вырывается наивное:

— Так какого черта вы ее не гнали от себя?!

— Милый Коля,— горько усмежается Глинин.— Если б это было сейчас, я бы не задумываясь пристрелил ее. Таким самкам, расчетливо торгующим своим телом, нет места на нашей земле! — В голосе его звучит металл, жестокость.

— Пожалуй,— соглашается Лепешев. После всего только что услышанного ему не по себе, и о предстоящей немецкой атаке он уже думает без прежней тревоги. Сложное чувство недоумения терзает его. Услышанное заставляет подумать, что, несмотря на свои двадцать три года, он, в сущности, не понимает многого, происходящего в жизни.

— Вы все-таки убили ее! — вдруг убежденно говорит он.

Сказанное заставляет Глинина вздрогнуть. Он опять что-то ищет в карманах, склонив на грудь забинтованную голову. Потом, очевидно, решает быть откровенным до конца.

— Нет, к сожалению. Судить меня не стали — учли ходатайство соратников по гражданской войне и внесенные ими деньги. Из партии же исключили... — Голос Глинина становится еще глуше. — Когда я возвратился из обкома без партбилета, то застал у нее гостя — прилизанного мордастого верзилу. Оба они были пьяны, вещи мои собраны в чемодан...

— Какая сволочь! — вырывается у Лепешева.

— Я плохо помню дальнейшее. Они хотели силой вытолкать меня из квартиры. И тут произошел взрыв. Он должен был когда-то произойти. Все, скопившееся во мне, искало выхода. Не знаю, откуда взялись силы, не помню, что попало под руку, но каждый из них получил все, что заслуживал...

Лепешев забко дергает плечами.

— Это был паскудный финал падения. Я взял чемодан и пошел вон. Сел в трамвай, поехал на вокзал. В конце концов добрался до одного из моих вернейших старых товарищей по гражданской войне. Жил у него несколько дней... Я обманул его, заявил, что меня оклеветали, что мне угрожает опасность, что мне надо хоть на время исчезнуть и еще черт те что... Не помню. Он был отличным, честным человеком. Когда-то я спас ему жизнь... Он взял грех на душу, он верил в мою честность и порядочность... — Голос Глинина снижается до шепота. — Он работал в паспортном столе и не захотел оставить меня в беде. Вот так и воскрес мирно почивший в те дни одинокий бухгалтер Глинин.

Лепешев не может этого понять. Он не выдерживает:

— Боже мой? Зачем вы это сделали? Ведь не убили же вы их!

— Да, не убил. Но об этом я узнал много позже. А в те дни... Ничего не помню. Наверно, я тогда немножко помешался от всего... Не то меня сжигал стыд при одной мысли, что, попав под суд, я опозорю не только себя, свою фамилию, свое прошлое, но и своих боевых товарищей, не то терзало что-то похожее... Я стал работать, работать честно, но чувствования не покидало и сейчас не покидает меня ни на минуту.

Он глухо и надсадно кашляет.

— Простыли?

— Есть немного.

Поколебавшись, Лепешев все же решает спросить собеседника:

— Вы могли не быть на фронте, почему вы все-таки здесь?

— А где я должен быть?.. — хмуро удивляется Глинин — воспоминания вернули ему обычную угрюмость. — Иного места себе не знаю. Ничего не хочу в жизни, кроме победы над фашистами. Помкомвзвода не комдив, но все же в бою и он кое-что значит. Разве не верно, Коля?

— Верно, — соглашается Лепешев и вспоминает, какое лицо бывает у Глинина, когда он ведет огонь по гитлеровцам.

Затаенное движение в развалинах усиливается. Лепешев и Глинин настораживаются, долго смотрят туда, но мутная дымка предрассветного тумана, тянущегося с реки, скрывает перемещения противника.

— Скоро начнут,— говорит Глинин.

— Пожалуй,— подтверждает Лепешев и спрашивает: — Почему вы отказались от помощи генерала Федотова?

— Еще чего! — Глинин даже содрогается. — Хватит и того, что так подвел одного из моих друзей. Повторной ошибки не допущу. Я просил Федотова молчать о моей прежней службе.

— Это почему же?

— Наивный вопрос! — Глинин явно сердится. — Закон есть закон. После того что я рассказал здесь, любой из вас на правах командира обязан тотчас арестовать меня. И это будет правильно. Федотов этого не сделал, не сделаешь и ты... Я понимаю: человечность. А ну-ка, доложи кто-нибудь из вас обо мне какому-нибудь сухарю! Если у него казенная душа, если у него на первом плане буква? Почему не арестовали, порядка не знаете? Укрывательством занимаетесь, личные отношения выше закона ставите! И готово дело. И будет все рассматриваться по законам военного времени. При мысли, что из-за меня может пострадать еще кто-то из друзей,— все внутри переворачивается.

— А если я все-таки буду ходатайствовать перед командованием?

— Нет, ты не сделаешь этого.— В голосе Глинина непоколебимая уверенность.

— Это почему же?

— Потому что я так хочу. Вчера Федотов сообщил, что друга моего в живых уже нет. Погиб при выполнении особого задания за линией фронта.

— И что из того?

— А то, что я пообещал Федотову тотчас, как переправлюсь, явиться куда следует.

— Вы так решили?

— Да. Это окончательное решение. Иного не может быть. Свою судьбу предпочитаю решать сам.

— В таком случае оставить вас не могу. Переправляйтесь вместе со всеми,— решает Лепешев.— Мало ли

что может случиться. Оказаться на том берегу живым и здоровым — нет для вас, Василий Степанович, теперь ничего более важного.

— Нет, ты оставишь меня! — Глинин словно клещами сжимает локоть лейтенанта. — Сам подумай: у меня нет никого, ни семьи, ни родных — одни товарищи. Оставишь! Мне это надо! Обязательно надо! Мне необходимо это последнее испытание. Ты понимаешь, Коля? Необходимо! — В голосе его мольба, решимость и что-то такое — сокровенное и долгожданное, — что Лепешев вдруг ясно сознает: да, необходимо.

— Ну, коль так...

Громкий треск пулемета разрывает тишину. Глинин пригибается к амбразуре. В мутной предрассветной дымке мелькают расплывчатые силуэты бегущих немецких солдат.

13

Лепешев покидает конюшню последним. Здесь остается лишь Глинин. Он устанавливает у пролома в стене ручной пулемет и прощально машет своему командиру рукой:

— Давай, Коля. Ни пуха ни пера! Поторапливайся, скоро взойдет солнышко.

— Смотрите, Василий Степанович, не задерживайтесь. Как только подойдем к берегу, так в реку — и к нам! — еще раз наказывает на прощание Лепешев, ему хочется подойти, расцеловать ставшего снова сумрачным, деловитым старого солдата, но непонятная суеверная боязнь мешает ему сделать это. Попрощаться — как бы приговорить боевого товарища к смерти. — Так смотрите! — повторяет лейтенант.

— Ну-ну...

И в этом «ну-ну» звучит такое, что у Лепешева сжимается сердце. Он делает шаг к Глинину, но тот смотрит в сторону противника, и на лице его знакомое зловеще-каменное выражение. Он уже забыл и о командире взвода, и об ушедших к реке пулеметчиках, он весь внимание и напряженность.

Лепешев машет рукой и бегом спускается по мелкому ходу сообщения вниз.

Плот движется медленно. Лепешев нервничает, нетерпеливо поглядывает на орудующих длинными шестами бойцов, прислушивается. На высокой береговой круче, где виднеется зазубренная стена, пока тихо.

— Лешачья посудина! — сердито бурчит Лепешев. — На гробу и то быстрее переплывешь...

— И так быстрее, чем обычно, идем! — откликается младший лейтенант-радиотехник. — Ребята работают на совесть.

Лепешев и сам видит, что бойцы стараются. Они вспотели, устали и тоже поглядывают на крутой правый берег, где остался Глинин. В этих поглядываниях озабоченность, хмурость. Наступающее утро тем временем быстро набирает силу. Становится совсем светло. На востоке розовеет небо, наливаются багряным румянцем мешковатые облака. Лепешев сердито глядит на разгорающееся пламя зари и беспокойно топчется на зыбком настиле плота. Чем ярче разгорается это пламя, тем меньше шансов остается у бойца Глинина, чтобы вернуться живым и невредимым в свой взвод.

Последняя немецкая атака продолжалась дольше, нежели предполагали. Вслед за первой гитлеровцы предприняли еще несколько отчаянных попыток прорваться в здание конюшни. Пока все эти попытки были отбиты массированным огнем, прошло более часа. Сейчас этот потерянный час обернулся предательским росплеском занимающейся зари.

Сырая утренняя тишина разрывается длинной пулеметной очередью. Стреляют там, на высоком правом берегу. Это Глинин. Лепешев сразу узнает суховатый голос ручного пулемета. Бойцы с удвоенной силой налегают на шесты. Но массивный плот лишь чуть ускоряет свой бег по сонной глади реки. Лепешев озирается на низкий левый берег. Он уже близок.

«Кончай, Степаныч! — мысленно командует лейтенант. — Тут уже мелко. Ни черта фрицы нам не сделают... Плыви!» Но Глинин на обрыве не появляется. Его «дегтярь» гремит за зазубренной стеной, и в ответ несется громкий стук немецких винтовок и пулеметов. Лепешев кивает младшему лейтенанту. Тот вскидыв-

вает ракетницу, стреляет. Бледной розовой звездой вспыхивает и рассыпается над обрывом красная ракета. Это сигнал Глинину, чтобы отступал.

Наконец плоты тыкаются в очищенную от камыша илистую кромку левого берега. Лепешев прыгает на землю первым. Будто выросший из травы, появляется перед ним высокий тучный майор, что позапрошлой ночью инструктировал лейтенанта о переправе.

— С удачным возвращением! — трясет он Лепешеву здоровую руку. — Давайте за мной.

Вслед за майором появляются красноармейцы-саперы. Едва успевают переправившиеся бойцы сойти на берег, как они прыгают на плоты и гонят их куда-то в сторону, в узкую заводь, прикрытую стеной камыша.

— За мной! — повторяет майор мягко. Он, очевидно, из резервистов, так как в голосе его еще нет военной властности.

— Нам надо прикрыть огнем бойца... — начинает объяснять Лепешев.

— За мной! — сердится майор. — Вам подготовлен пулеметный окоп. — И, большой, грузный, неожиданно резво бежит от берега, взмахивая полной рукой.

Лепешев следует за ним. Сзади бегут усталые, вспотевшие, нагруженные оружием и ящиками с патронами пулеметчики. Четверо тащат пленного унтера. Бегут они недолго. Майор вдруг ныряет под маскировочную сеть, потом спрыгивает в ход сообщения, ведущий к огневой позиции. Лепешев и его бойцы с трудом поспевают за ним.

В ходе сообщения, в отрытых тут и там щелях, сидят и лежат раненые. В пулеметном окопе их тоже несколько человек.

— Вот, размещайтесь. Добро пожаловать! — совсем по-граждански, радушно разводит руками улыбающийся майор. — Правда, здесь немного тесновато, но ничего не поделаешь. Раненых вывозить пока почти не на чем. Не взыщи, лейтенант. Что успели — сделали. Чем богаты, тем и рады.

Но Лепешеву не до обмена любезностями. Он быст-

ро оглядывает позицию, смотрит на правый берег. Обзор неплохой. Зазубренная стена и ход сообщения, идущий от нее вниз, видны хорошо.

— Станковые пулеметы по флангам, ручные в центр! Расчеты, занять места, приготовиться к огню! — отрывисто командует лейтенант и выдергивает из кармана свисток.

— Вы с ума сошли?! — Радужие исчезает с потного лица майора, он выхватывает из руки Лепешева свисток. — Стрелять категорически запрещено. За нарушение — трибунал!

— Да вы что?.. — Лепешев ошеломленно смотрит на красное лицо майора. — Там же боец, который нас прикрывает. Слышите? — Он мотает головой в сторону кручи, где гремит перестрелка.

— Категорически запрещено! Хотите демаскировать позицию? — Губы майора складываются в жесткую складку. — Вы что, хотите всех их погубить? У нас же всего по две обоймы на стрелка! А если фашисты откроют минометный огонь? Что мы будем делать на этом степном блюде?

Лепешев непонимающе глядит на забинтованных красноармейцев, сидящих у стенки окопа, потом оглядывается на своих бойцов. Но их рядом уже нет. Они рассыпались по стрелковым ячейкам, они ждут сигнал своего командира.

— Отдайте свисток... — хрипло шепчет Лепешев. — Я не могу бросить на произвол судьбы своего бойца. Вы же понимаете. Он нас...

— Да поймите же, лейтенант, — майор прижимает большие руки к груди, — не могу! Все окопы и щели забиты ранеными. И своими, и из хозяйства Федотова. А нам нечем ответить немцам, и мы еще плохо закопались... Ну куда мы денем их, если противник откроет массированный огонь? Ведь кругом голая степь.

— Там наш боец, советский человек. Мы не имеем права не прикрыть его отход огнем! — упрямо повторяет Лепешев.

В это время в окопе появляется полковник Савеленко. Вслед за ним из хода сообщения вываливаются начальник особого отдела дивизии капитан Васильев и два красноармейца с немецкими автоматами.

— Что за шум, а драки нет? — весело и зычно басыт полковник.

Майор коротко объясняет.

— Нельзя, лейтенант. — Полковник хмурится. — Связаны мы по рукам и ногам. Здоровых бойцов тут и роты не наберется, а раненых... — Он огорченно машет рукой. — Понимаю тебя, но не могу разрешить. До ночи нам немцев никак сердить нельзя. Да и нечем. Весь остаток боезапаса отдали Федотову. Приказали.

— Но как же... — Лепешев переводит взгляд с полковника на майора, потом на капитана, на раненых красноармейцев — ищет поддержки.

Всем неловко, все отводят глаза. Лепешев круто поворачивается, смотрит на правый берег. Там продолжает греметь частая пальба. На обрыве никого не видно — ни Глинина, ни немцев.

— Э-эх!.. Хотя бы батарею минометов с комплектом мин... — вздыхает Савеленко. — А то из-за одного... — Он не договаривает, глубже натягивает фуражку на крупную костистую голову, печально косится на раненых красноармейцев.

Лепешев опять оглядывается. Обводит взглядом позицию. Кругом раненые. Бинты, кровь, гной... Он понимает, что полковник совершенно прав, что вызывать на себя огонь противника нельзя, но и отменить отданный пулеметчикам приказ у него не поворачивается язык.

К Лепешеву протискивается капитан Васильев. Капитан приземист, невероятно широк в плечах, крутая грудь распирает гимнастерку. Природа так создала его, что ему бывает тесно в траншее нормального профиля, а в окопе, заполненном людьми, и подавно. При прорыве из окружения Васильев шел с пулеметчиками и трижды попадал вместе с Лепешевым в горячие переделки. С тех пор он особо отличал лейтенанта из всех офицеров дивизии и относился к нему очень дружески.

Увидев начальника особого отдела, Лепешев ободряется, пробует улыбнуться. Улыбка не получается.

Лейтенант уважает Васильева. Капитан не только

опытный, смелый солдат, но и на редкость уравновешенный человек. Несколько дней назад, когда прорывались из окружения, капитан хладнокровно заколол финкой трех немецких солдат, которые подмяли под себя Лепешева во время рукопашной схватки во вражеской траншее. На следующий день лейтенант отплатил Васильеву взаимностью. Срезал автоматной очередью унтер-офицера и двух солдат-разведчиков, пытавшихся захватить капитана в плен.

Поэтому в их отношениях было нечто большее, нежели взаимные симпатии.

Сейчас начальник особого отдела встает рядом с лейтенантом Лепешевым, крепко жмет тому локоть, тихо говорит:

— Молодец, Николай. Молодчага! Мы знали, что ты выдюжишь! — И совсем тихо добавляет: — Савеленко и Федотов представили тебя к Герою. Не знаю, как там... Но Ленина-то получишь наверняка.

Радостное сообщение не трогает Лепешева. Продолжая напряженно прислушиваться к перестрелке, он с надеждой спрашивает:

— Слушай, Герман Романович, неужели в самом деле нельзя прикрыть?.. — Он кивает в сторону правого берега. — Неужели так плохо дело?

— Плохо, Николай. — Васильев устало поводит плечами. — Демаскироваться нельзя! Это единственный наш шанс спасти раненых. Сам видишь.

— Да вижу! Но не можем же мы вот так... Бросить его!

— Не можем. Не имеем права. Но и этих... А в общем, посмотрим. — Капитан достает пистолет, проверяет обойму, вздыхает: — Последняя... Если они поймут, каковы у нас дела, — жди атаки. Тогда...

Из ближайшей стрелковой ячейки выглядывает Ильиных. Он вопросительно смотрит на командира взвода. Лепешев отводит глаза. Много раз приходилось ему попадать в то тяжелое положение, когда душа командира разрывается между чувством долга и сознанием неумолимой военной необходимости, но никогда за весь год войны не было ему так нехорошо.

Проходит несколько томительных минут. Стрельба усиливается, как бы приближается.

— Послушай-ка, Николай, — вдруг говорит Ва-

сильев.— Мне нужен красноармеец Глинин. Где он?

— Глинин? — Лепешева обжигает вопрос, он круто поворачивается к капитану.— Тебе нужен Глинин?

— Да.

Лепешева осеняет догадка. Он сознает, зачем пришли сюда полковник, Васильев и два автоматчика.

— Хм...— Лицо лейтенанта перекашивается злой гримасой.— А я думал, ты меня встретить пришел... Пойди вон туда! Возьми его там! Красноармеец Глинин в одиночку прикрывает наш отход. А когда будет отходить он, мы, как последние...

— Да ты что! — Трудно выбить из равновесия хладнокровного Васильева, но на этот раз он изумляется так, что его крутлобое бледное лицо наливаются краской, серые усталые глаза округляются.— Я в самом деле к тебе. А это... Чего там этот Глинин наколбасил? Полковник решил, несмотря ни на что, наказать его. Своими правами... Пять суток строгача. Вот и попросил меня... Больше никому. Все на позиции. А к награде можешь представлять. Я лично...

Лепешев не слушает. Слабый ветерок приносит из-за реки уханье ручных гранат. «Прорвались! Поняли, что он один!» — холодеет лейтенант и видит, как на краю обрыва на мгновение вырастает фигура немецкого солдата. Он бросает взгляд в сторону примолкшего левого берега и тотчас пригибается, начинает красться к середине здания, к заднему выходу из него, видна лишь верхушка его каски. От другого крыла здания, еле видные, медленно движутся еще несколько касок. Лепешев понимает, что стрелять по этим каскам бесполезно. Край обрыва надежно прикрывает гитлеровцев.

Под маскировочной сеткой висит зловещая тишина. Даже раненные вытягивают шеи, стараются разглядеть, что делается на круче, у разрушенной конюшни.

Наконец появляется Глинин. Хотя Лепешев ждал его каждую секунду, появление бойца кажется внезапным. Лейтенант даже вздрагивает от этой внезапности. Глинин без пулемета. Он стремительно выскакивает из-за стены в ход сообщения. Запоздало грохают винтовочные выстрелы. Глинин бросает вправо и влево по гранате, а сам падает плашмя. Летят вверх комья земли и кирпичная щебенка; подпрыгнув по-

заячьи, падает на край обрыва немец, свешиваются с кручи его руки.

Глинин вскакивает на ноги, бросает в стороны еще по гранате, потом делает шаг вперед, замирает на мгновение, ноги его подламываются, он падает коленями на край обвалившегося хода сообщения.

Лепешев хватается за нагрудный карман. Пусто.

— Разрешите? — обращается он к полковнику.

— Приготовиться! — решается тот и хватается за браунинг.

— Бесплезно, — тихо говорит Васильев. — И поздно...

Гремят за кромкой крутого берега невидимые автоматы. Стоящий на коленях Глинин дергает забинтованной головой и медленно валится на грудь, головой вперед. Раздается еще несколько винтовочных выстрелов. В ходе сообщения рвутся ручные гранаты. Взрывы поднимают клубы желтой пыли.

Становится тихо. Глинин недвижим. Наконец возле него появляется сначала один немец, затем другой. Они оттаскивают бойца от хода сообщения, переворачивают вверх лицом.

Левый берег скорбно молчит.

Немцы смелеют. Сначала они боязливо выглядывают из-за кромки обрыва, дают наугад несколько выстрелов по левобережному камышу, затем начинают подниматься во весь рост. Вскоре большая толпа злобно, торжествующе галдящих гитлеровцев окружает недвижно лежащего красноармейца.

Лепешев стискивает зубы. Рука его сама собой вытягивает из кобуры пистолет.

Толпа ликующих гитлеровцев продолжает шуметь на крутом берегу. Их гортанные голоса доносятся до онемевшего левого берега. Вдруг один из фашистов размахивается винтовкой и всаживает штык в Глинина. Его примеру следуют еще несколько солдат. Они с остервенением бьют и колот бездыханное тело красноармейца, а потом поднимают его на штыках и под гогочущее улюлюканье сбрасывают с обрыва.

Спазма перехватывает горло Лепешева, он вскидывает пистолет. Почти одновременно с его выстрелом сотрясается над окопом маскировочная сеть. Бьют по круче все пулеметы и все бойцы лепешевского взво-

да. Стреляют Васильев и Савеленко. Внезапный шквал огня скашивает орущее скопище. Зловеще сверкнув штыком в первом луче выглянувшего из-за горизонта солнца, летит вниз немецкая винтовка, а за ней катятся к реке фигурки корчащихся солдат в серо-зеленых мундирах и тяжелых глубоких касках.

Огонь прекращается так же внезапно, как и начался. Пусто на высоком правом берегу, тихо на левом. Затаившиеся под маскировочными сетями бойцы и командиры смотрят на желто-бурую береговую кручу. Раскинув руки, свесив вниз забинтованную голову, над хрупким неярким кустиком распласталось там тело красноармейца Глинина...

Лепешев тоже смотрит туда, и чем больше проходит времени, тем сильнее щиплет у него в горле. Лейтенант отворачивается, бессмысленно вертит в руке пистолет до тех пор, пока майор не отбирает его и не сует ему в кобуру.

— Вы бы хоть доложили полковнику, что и как, — укоризненно шепчет он Лепешеву. — Все же положено.

Лепешев проводит ладонью по лицу, как бы стирая с себя только что пережитое потрясение и нахлынувшее безразличие ко всему. Оглядывается. Встречается взглядом с Ильиных, который с состраданием смотрит на него из своей ячейки. Майор подталкивает Лепешева в бок. Лейтенант окончательно приходит в себя.

— Товарищ полковник! — вскидывает он правую руку к пилотке. — Разрешите доложить. Взвод прикрытия поставленную задачу выполнил и присоединился к основным силам дивизии. Красноармеец Глинин погиб, с выполнения боевого задания не вернулся.

— Да... да... — Всегда громогласный, полковник Савеленко не похож на себя. — Да, да... — сдавленно повторяет он. — Я вас понял, лейтенант... Я все понял.

Капитан Васильев снимает фуражку и, повернувшись лицом к правому берегу, становится по стойке «смирно». Его жесткие черные волосы шевелит слабый ветерок. Полковник тоже снимает фуражку, тоже поворачивается лицом к реке. Слово шуршащая волна пробегает по огневой позиции, укрытой маскиро-

вочной сетью. Все встают по стойке «смирно». Даже раненые, помогая друг другу, пытаются подняться, и те, у которых это не получается, затихают, бросают курить, смотрят из земляных щелей на узкую полоску розового неба сосредоточенно и строго.

Над степью и берегами висит тишина. Разлившийся широким плесом, Северный Донец тоже тих и не нарушает этой тишины веселым журчанием воды. А над примолкшими землей и водой — бездонное розовато-синее небо. Июньское степное небо 1942 года, которое все видит, но ничего не может рассказать людям.

1967 г.